

В. М. Солнцев

## ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК И ДРУГИЕ ЯЗЫКИ ВЬЕТНАМА

Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) — многонациональная страна, на территории которой проживают 54 народности. Это количество этнических общностей было установлено по состоянию на 31 декабря 1978 года. Численно доминирующий этнос — вьетнамцы (вьет, или кинь), составляющие 85% населения. Они расселены в долине Красной реки на севере и на равнине реки Меконг на юге страны. В западном, северо-восточном и северо-западном горных районах проживают национальные меньшинства, составляющие 15% населения страны. Наиболее многочисленные из национальных меньшинств: тай — 825 тыс.; кхмеры — 687 тыс.; тхай — 686 тыс.; мыонг — 649 тыс.; нунг — 524 тыс.; мео — 373 тыс.; яо — 311 тыс.; джарай — 165 тыс.; эдэ — 144 тыс.; бахнар — 81 тыс.; джех — 69 тыс.; чамы — 66 тыс.; кэхо — 64 тыс.; хрэ — 57 тыс.; санзиу — 53 тыс.; седанг — 53 тыс.; мнонг — 47 тыс.; као лан — 42 тыс.; роглай — 38 тыс.; стиенг — 35 тыс.; зэй — 26 тыс.; сантьи — 22 тыс.; ма — 22 тыс.; таойх — 22 тыс. (по данным переписи 1976 года). Есть национальные меньшинства, представителей которых насчитывается не более 200–300 человек (например, пупео, нонг и другие). Языки этих этнических общностей входят в разные языковые группы и семьи. К мон-кхмерским языкам принадлежат языки: вьетнамский, мыонг, понг, кэхо, ма, кхмерский и другие, к австронезийским языкам (чамская ветвь) — чам, тьру, джарай, эдэ, по одной из гипотез — тай и другие, к языкам так называемой группы кадай — лаха, пупео и другие. Этноты Вьетнама находятся на разных стадиях развития. Так же обстоит дело и с их языками.

В настоящее время вьетнамский язык и некоторые другие языки Вьетнама используют латинскую графику, которая появилась с приходом европейцев (XVI век). До этого времени вьетнамский язык имел свою иероглифическую письменность, называемую «ты ном». Некоторые другие народности, например тхай, чамы, кхмеры, также имели свою письменность, созданную на основе алфавитов пали и санскрита, и в определенной мере применяют ее и теперь. В XX веке латинская графика распространилась на многие языки Вьетнама.

Среди языков Вьетнама особое место занимает вьетнамский язык. Он является средством межнационального общения. Однако в жизни каждого представителя национального меньшинства большое значение имеет

его родной язык. Как вьетнамский язык, так и языки национальных меньшинств обслуживают определенные сферы общения, т. е. функционально распределены.

В сфере общественно-политической деятельности, административного управления, судопроизводства на общенациональном уровне главенствующую роль играет *вьетнамский язык*. Утверждение его в этой роли произошло за сравнительно короткое время. Еще до Августовской революции 1945 года ведущее место занимал французский. Вскоре после образования ДРВ на вьетнамском языке были изданы Конституция, другие законы страны. На нем ведется вся официальная документация и переписка. Это язык всех выступлений, рассчитанных на большую аудиторию: и правительственных, и выступлений на собраниях в различных учреждениях.

В отдаленных горных районах в этих сферах используются *языки национальных меньшинств*. Это объясняется тем, что некоторые группы национальных меньшинств (обычно старшее поколение) не владеют или недостаточно хорошо владеют вьетнамским языком.

Сразу же после победы Августовской революции 1945 года вьетнамский был объявлен языком обучения (вместо французского языка) в государственной школьной системе. На вьетнамском ведется и обучение в вузах.

Вместе с тем бурно развивалось массовое движение за ликвидацию неграмотности, и оно способствовало распространению куокнги (вьетнамского алфавита на латинской основе). Были созданы благоприятные условия для активного овладения национальными меньшинствами вьетнамским языком, а также условия для формирования массового билингвизма среди национальных меньшинств. Именно поэтому в районах, где проживают представители национальных меньшинств, существуют начальные школы, в которых обучение ведется на родном языке с преподаванием вьетнамского языка как обязательной дисциплины. В школах второй и третьей ступеней оно ведется только на вьетнамском языке. При этом родной язык и родная литература (если она есть) остаются обязательными предметами в школах всех ступеней. Так обстоит дело с языками тхай, тай, нунг, чам, кхмерским, эдэ, джарай и т. д. Это способствовало и способствует развитию народного просвещения. В настоящее время во Вьетнаме школа второй ступени есть в каждой общине, а школа третьей ступени — в каждом уезде. Если в 1955–1956 учебном году было 4495 школ с 716,1 тыс. учащихся, в 1964–1965 — 9295 школ с 2673,9 тыс. учащихся, то в 1975–1976 учебном году количество школ достигло 11 832, а число учеников в них — 5307,4 тыс.

На вьетнамском языке читаются лекции в вузах. На нем же издаются все учебники, пишутся диссертации, ведутся дискуссии на научных конференциях и публикуются научные труды по всем дисциплинам.

Вьетнамский язык также занимает главенствующее положение во всех средствах массовой информации. Вещание по центральному радио из Ха-

ноя ведется на вьетнамском языке. Местные радиостанции есть во всех провинциях и городах страны. Наряду с вьетнамским языком они отводят часть времени передачам на языках некоторых национальных меньшинств. Телевидение появилось во Вьетнаме в 1960-х годах. Имеются телестудии в Ханое и в Хошимине, которые ведут передачи в основном на вьетнамском языке.

Пресса Вьетнама также обслуживается в основном вьетнамским языком. Однако некоторые местные газеты выходят не только на вьетнамском, но и на языках национальных меньшинств. Большинство газет и журналов издается в Ханое и Хошимине. Крупнейшие из них — газеты «Народ» («Нян зан»), «Народная армия» («Куан дой нян зан»), «Художественная литература» («Ван нге») и журнал «Коммунист» («Конг сан»). Выпускается на вьетнамском языке и ряд научных журналов.

В области художественной литературы, театра, кинематографии в целом преобладают произведения на вьетнамском языке. Конечно, есть и поэты и писатели — представители национальных меньшинств, — которые писали и пишут на родном языке. Но для того, чтобы иметь широкую читательскую аудиторию, эти авторы предпочитают писать свои произведения и на родном, и на вьетнамском языке или переводить их на вьетнамский. На двух языках издаются народные поэмы, как, например, «Поэма о Дам Сан» (у народности эдэ) или поэма «Рождение Земли, рождение Воды» (у народности мыонг).

В области науки доминирует вьетнамский язык. Именно научный стиль вьетнамского языка обогатился значительным числом заимствований, в большинстве своем — из китайского и французского языков.

В семейно-бытовой сфере используются и вьетнамский язык, и языки национальных меньшинств.

Во Вьетнаме представлены разные типы билингвизма и полилингвизма. Из них наиболее массовыми являются типы: *национально-вьетнамский (язык национального меньшинства + вьетнамский)* или *язык национального меньшинства + язык национального меньшинства + вьетнамский язык*. Среди интеллигенции распространен билингвизм типа *вьетнамский язык + французский, вьетнамский + китайский, вьетнамский + английский* или *вьетнамский + русский*.

Владение двумя или тремя языками и их попеременное использование в разных коммуникативных ситуациях и на разных социальных уровнях — нередкое явление. И надо особенно подчеркнуть, что овладение вьетнамским языком открывает всем национальным меньшинствам Вьетнама путь к образованию, науке и прогрессу.

Языковая политика в СРВ была выработана на основе марксистско-ленинской теории по национальному вопросу с учетом языковой ситуации во Вьетнаме, богатого опыта культурно-языкового строительства, накопленного в СССР за время его существования, всех установок Коммунистической партии Индокитая (КПИК), а затем Коммунистической партии Вьетнама (КПВ). Основные положения этой языковой политики,

сформулированные в различных партийных и государственных документах, сводятся к решению следующих задач: 1) развитие вьетнамского языка как общенационального языка, сохранение его чистоты и проведение работы, направленной на стандартизацию литературного языка во всех его аспектах; 2) гарантирование равенства языков всех народов, создание благоприятных условий для развития языков национальных меньшинств, для формирования массового билингвизма среди представителей народностей страны и оказание им помощи в создании письменности для бесписьменных народов.

Для решения первой задачи была развернута энергичная деятельность в ряде областей — в частности, демократизация вьетнамского языка, очищение его от излишних иноязычных заимствований. Лозунг «Демократизация нашего языка» был выдвинут в «Тезисах о вьетнамской культуре», выработанных ЦК КПИК в 1943 году. Под влиянием этой идеи и ряда работ президента Хо Ши Мина — в особенности его статей «Бороться с красноречием» (1947) и «Как писать?» (1952) — возникло и развернулось движение за демократизацию вьетнамского языка, за охрану его чистоты. Это движение в первые дни было направлено на то, чтобы все говорящие и пишущие, в частности партийные работники, пропагандисты, писатели и журналисты, использовали язык, доступный пониманию широких народных масс, пользовались богатыми возможностями родного языка, не прибегали без надобности к «ученым» словам. Вместе с тем было уделено серьезное внимание вопросам о разумном использовании иноязычных заимствований, о необходимости выступать против злоупотребления китаизмами, отказаться от употребления ненужных галлицизмов. Движение за чистоту вьетнамского языка привлекло к себе внимание широкой общественности, приобрело широкий размах. Важно отметить, что Председатель Совета министров СРВ Фам Ван Донг дважды выступал с докладом «За чистоту вьетнамского языка» (в 1966 и 1979 годах). Под рубрикой «За чистоту вьетнамского языка» на страницах журналов «Нгиен кыу ван хок», «Тап ти ван хок», «Нгон нгы» и газет «Ван нге» и «Нян зан» (орган ЦК КПВ) стали регулярно печататься статьи лингвистов и деятелей культуры. Подобные материалы передаются и центральной радиостанцией в Ханое.

В настоящее время движение за чистоту вьетнамского языка тесно связано с проблемами его нормирования на всех уровнях, и в первую очередь — с проблемой нормирования и унификации орфографии в терминологии.

В области орфографии в 1960-е годы были разработаны принципы установления единой орфографической нормы. Результатом этой попытки явился «Общий орфографический словарь», изданный Институтом литературы в 1963 году. В настоящее время в Институте языкознания СРВ ведется работа над новым орфографическим словарем.

Со времени победы Августовской революции 1945 года и до настоящего времени проблема создания, упорядочения и унификации научно-

технической терминологии является весьма актуальной. Можно сказать, что было много сделано, и в то же время остается немало вопросов, которые нуждаются в тщательной разработке и разумном решении. Проблемой терминологии вьетнамского языка занимались с 1920-х годов, но только после революции ей стали уделять более серьезное внимание. В 1960 году Государственным комитетом по науке было разработано «Временное положение о принципах создания терминов по естественным наукам». На основе этих принципов был составлен целый ряд терминологических словарей по всем отраслям знания. К моменту объединения страны было подготовлено в общей сложности около 100 таких словарей (главным образом русско-вьетнамских, французско-вьетнамских, англо-вьетнамских и многоязычных). В настоящее время поставлена задача приступить к составлению терминологических толковых словарей. Комитет общественных наук (КОН) взял на себя задачу составить энциклопедию Вьетнама.

Лингвистами выработаны научно обоснованные рекомендации по различным вопросам, касающимся нормирования орфографии и терминов. Вместе с тем развернуты исследовательские работы, направленные на установление закономерностей развития вьетнамского литературного языка, на тщательное описание его современного состояния. Результаты исследования отражены в литературе по языкознанию, в частности в тех работах, которые ведутся под руководством КОН СРВ, например в «Грамматике вьетнамского языка», «Общем толковом словаре вьетнамского языка» и т. д.

Что касается создания благоприятных условий для развития языков национальных меньшинств в стране, то надо подчеркнуть, что по Конституции 1946 года ДРВ и принятой в 1980 году Конституции СРВ гражданам всех национальностей предоставляется право пользования родным языком и письменностью. Это право является основной предпосылкой развития языков национальных меньшинств. Постоянный контакт с вьетнамским языком, влияние государственной школьной системы, радиовещания, развитие прессы, театра, клубного дела и т. д. создали и создают благоприятные условия для развития языков национальных меньшинств, для формирования массового билингвизма среди представителей малых народов. При этом большую роль играет создание письменности для бесписьменных народов, чему КПВ и правительство СРВ уделяли (даже в трудное военное время) и уделяют серьезное внимание.

Существует и другая проблема. Некоторые народы Вьетнама: кхмеры, чамы и тхай — пользовались письменностью палийского происхождения. Для них создается письменность на латинской основе. Так, в 1982 году на такую письменность перешла народность тхай. В 1901 году было официально утверждено латинизированное письмо для языков тай, нунг и мео. С 1957–1958 годов в освобожденных районах Южного Вьетнама были созданы письменности на основе вьетнамского алфавита куокнги для таких народов, как хрэ, седанг, мнонг, стиенг, бру (ван-киеу), кату, роглай (всего около 20 письменностей).

В 1980 году было принято новое правительственное постановление о языковой политике среди национальных меньшинств. Это было продолжением постановления, принятого правительством Вьетнама в 1909 году. В этом постановлении подчеркнуты следующие положения: а) улучшение и совершенствование преподавания вьетнамского языка в национальной школе для дальнейшего распространения массового билингвизма среди представителей национальных меньшинств при одновременном улучшении преподавания родного языка; б) оказание бесписьменным национальным меньшинствам помощи в создании письменности на их родном языке или системы транскрипции на основе куокнги. В настоящее время интенсивно идет работа, направленная на претворение этого постановления в жизнь.

Таким образом, языковая ситуация в СРВ довольно сложна и подвержена изменениям. На нее оказывает влияние языковая политика, разработанная КПВ и правительством СРВ на основе марксистско-ленинской теории по национальному вопросу. Этим объясняются все успехи, достигнутые в СРВ в области решения языковых проблем, в развитии общегосударственного вьетнамского языка и языков национальных меньшинств.

И. И. Халеева

## НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК: ФУНКЦИИ, РОЛЬ, ЭВОЛЮЦИЯ

2001-й год вошел в историю Европы не только как начало третьего тысячелетия, характеризующееся множеством событий на политической, экономической, международной и т. п. сцене. Этот год обладал также особой значимостью как для лингвистов — теоретиков и практиков, так и для нелингвистов, мотивированных к общению с представителями других лингвокультурных сообществ. Таким образом, 2001 год символизирует прежде всего идею всемерной поддержки языкового многообразия, равно как и идею изучения иностранных языков с целью расширения информационного поля взаимодействия стран Совета Европы друг с другом.

Итак, *Европейский год языков 2001* — совместная кампания Европейского союза и Совета Европы, в которой активно участвовали более 40 стран Европы, объявив, что они разрабатывают идеологию многоязычия (плюралингвальности), основным принципом которого являются уникальность каждого из языков Европы и мира и их равнозначность в способе отображения мира для всех людей, использующих эти языки. Таким образом, *год языков* явился стимулирующим фактором для всех стран-участниц в осмыслении роли и значения языков, на которых общается население этих стран, включая языки меньшинств.

Поскольку в задачу данного очерка входит описание статусного характера немецкого языка (прежде всего в Германии), мы будем в дальнейшем следовать именно этой цели, пытаясь продемонстрировать на конкретных «типично немецких» примерах функцию и роль именно этого языка в кругу других европейских языков, приводя примеры того, что сами немцы думают о роли и будущем своего родного языка.

Согласно официальной статистике, немецкий язык является родным для 100 миллионов граждан, проживающих на территории стран Европейского союза. В семи странах ЕС немецкий язык имеет официальный статус.

Уже сама акция открытия Европейского года языков спровоцировала в Германии бурные и довольно острые дебаты относительно роли и будущности немецкого языка в мире. На церемонии открытия федеральный министр культуры Германии Юлиан Нида-Рюмелин заметила в своей речи, что, хотя немецкий язык как язык науки в естествознании, тех-

нических областях и экономике мертв, он по-прежнему играет значительную роль в филологии и философии<sup>1</sup>. Госпожа Нида-Рюмелин категорически отвергла и продолжает отвергать возможность разработки и принятия «Закона о защите немецкого языка», о котором в последнее время заговорили политики и который готова поддержать значительная часть общественности Германии.

Однако министр культуры, посчитав бессмысленными всякого рода дискуссии о государственном регулировании языковых процессов, в частности о запрете использования англицизмов, все же считает, что Германии следует уделять больше внимания повышению статуса немецкого языка среди других рабочих языков ЕС. Таким образом, немецкий язык, его роль и функции в ЕС начинают приобретать политический оттенок, поскольку статус немецкого языка как рабочего языка ЕС имеет «буквально судьбоносное значение в силу того, что его престиж и его привлекательность как языка иностранного напрямую зависят от его официальной позиции в Европе»<sup>2</sup>. Он является сегодня одним из языков, обладающих статусом *lingua franca*<sup>3</sup>, т. е. своего рода вспомогательного языка, используемого в качестве посредника, с помощью которого осуществляется коммуникация между людьми и группами людей, говорящих на иных (родных) языках.

Для понимания некоторых существенных характеристик современного немецкого языка следует обратиться к его культурно-историческим корням в их взаимосвязи с языковыми феноменами и тенденциями. Среди них следует прежде всего назвать такие фактологические явления, как:

- 1) общественные перемены;
- 2) развитие средств массовой коммуникации, включая новые и новейшие информационно-коммуникационные технологии;
- 3) коммерческую и коммуникативную глобализацию;
- 4) европейскую интеграцию.

Относительно общественных изменений, рассматриваемых на основе социально-исторических критериев, следует вспомнить, что старо- и средневерхненемецкий языковой периоды рассматриваются как периоды в жизни немецкого языка, создаваемого знатно, в то время как жизнь языка в ранневерхне- и новеверхненемецком периодах формировалась в основном буржуазией.

<sup>1</sup> «Die Welt», 29.1.2001.

<sup>2</sup> «Die Welt», 16.2.2001.

<sup>3</sup> Термин *lingua franca*, напомним, происходит из итальянского и буквально означает «французский» или «франкский язык». На этом языке общались крестоносцы, он использовался в средние века как язык торговли и войны. Язык исчез, но термин *lingua franca* пережил века и используется по отношению к ряду языков мира, имеющих аналогичное функциональное назначение. Примерами *lingua franca* могут служить греческий, который становится после завоеваний Александра Македонского (ок. 300 г. до н. э.) языком общения западного мира; латинский, который на столетия пережил Римскую империю. К современным *lingua franca* в Европе относятся русский, французский, немецкий и некоторые другие языки мира. (Language policies for a multilingual and multicultural Europe. Источник DGVIV / EDU / LANG Strassbourg (2000) 10.)

Новый языковой исторический период наступает в жизни немецкого языка в середине XX столетия.

Этот период детерминируется тремя понятиями: *эгаллизация* (выравнивание), *ангажированность*, *эмансипация*. Трактование данных понятий восходит прежде всего к активному участию различных социальных групп в общественной жизни Германии.

Так называемый период демократизации языка характеризуется тем, что общество начинает создавать различного рода «движения» (студенческое, женское, экологическое, движение борьбы за мир и т. д.).

Социально обусловленные изменения стали также наблюдаться в языке, когда в становлении и развитии стандартного немецкого языка начали участвовать различные социальные группы и слои общества, причем этот язык стал проявлять себя в различных региональных оттенках, функциональных и социальных вариантах.

Таким образом, общественный процесс эгаллизации становится культурно-историческим фактором языковых изменений в обществе, соотносимых с последующими фактологическими явлениями, каковыми являются средства массовой информации, когда процесс сообщения информации происходит без непосредственного участия в нем коммуниканта.

Средства массовой информации, присутствуя в нашей жизни повседневно, оказывают сильное влияние на массовое сознание людей, равно как и на их языковое сознание.

Еще одним социокультурным феноменом, влияющим на современное состояние языка, является реклама. С одной стороны, рекламные тексты, казалось бы, должны были быть близкими к текстам повседневной речи, однако, с другой — в рекламе сознательно используются средства языкового отчуждения (неологизмы, иностранные слова, игра слов и т. д.) с целью возбуждения внимания читающего/слушающего. Однако влияние рекламной речи на состояние языка в целом не стоит слишком преувеличивать — оно является лишь одним из вариантов в ситуационно специфическом регистре речи.

Чрезвычайно важную роль для современного немецкого языка и предположительно для его будущего развития играют современные информационные и коммуникационные системы. Как известно, уже в 1969 году Министерство обороны США стало реализовывать проект сетевой программы для своей военной техники. Так называемая программа ARPAnet (ARPA = Advanced Research Projects Agency) стала прообразом сегодняшнего Интернета.

Новые электронные средства информации представляют собой не только формы и условия коммуникации, но и новую реальность, которая сама становится предметом коммуникации.

Компьютеры перестали быть в западных странах рабочим инструментом для отдельных привилегированных специалистов (к этому сегодня подходит и Россия). Они стали элементом повседневности, проникая все чаще и в периоды нашего досуга. Во многих областях новые информаци-

онные и коммуникационные технологии оказывают все более значимое влияние на современный образ жизни и мышление.

Мы спокойно пользуемся сегодня такими понятиями, как компьютерное поколение, компьютерные дети и т. д.

Соответственно развивается и свой особый компьютерный язык, под которым подразумевается не язык программирования или же специальный язык информатики и компьютерной техники, а свой код общения, который в Германии стали называть *Cyberdeutsch*. Этот особый код обладает собственным специфическим словарем. Наряду с этим цифровые средства коммуникации, такие как e-mail и Интернет, обусловили возникновение типов текстов, обладающих специфическими морфолого-синтаксическими структурами и даже собственными, используемыми в виртуальном пространстве, формами вежливости.

Так, немецкие исследователи Рункель, Шлобински и Сивер, описывая использование нефлектируемых (неспрягаемых) корней глаголов в интернет-общении, предполагают, что среда их возникновения — комиксы. Такие формы глаголов, как «mschel», «dröhn», «senfz», «glucker», «murmel» и т. д., обозначают наличие различного рода шумов.

В языке Интернета данный принцип используется в качестве многократно используемого грамматического аналога. Любое действие, совершаемое в виртуальном пространстве, может быть описано корнями глаголов «denk», «hüpf», «strahl», «grins» и т. д.

Вышесказанное не требует дополнительных разъяснений относительно того, что мы имеем дело с абсолютно новыми морфолого-синтаксическими возможностями построения речевых высказываний.

Тем самым немецкий язык (пока, правда, частично), будучи связанным с типом текста, становится полисинтетическим языком, в котором глагол начинает замещать целые фразы, а партнеры по интернет-коммуникации обязаны использовать специальные формы вежливости, которые получили имя *Netikette* (Net или Internet + Etikette).

Соответственно и *Cyberdeutsch* можно рассматривать не только как специальный язык, но и как язык, обладающий социальными функциями, при всей условности границ между ними.

В качестве соответствующих дополнительных аргументов можно привести некоторые примеры.

Так, акронимы ASCII (American Standard Code for Information and Interchange) или HTML (Hyper Text Markup Language) относятся к области специальных языков, они имеют свой референт, и аббревиатура используется в целях экономии использования языковых средств.

Напротив же, акронимы типа RTM (Read The Manual) или, что то же самое, LDH (Lies Das Handbuch) не являются референтными, а представляют собой побуждение к соответствующему действию, т. е. пресуппонируют обладание навыками социальной компетенции.

По данным 1999 года, в Германии зарегистрировано 10 миллионов компьютерных пользователей и приведенные выше примеры говорят

в пользу того, что языкознание не может сегодня игнорировать влияние виртуальной коммуникации на различные уровни языковой системы.

Новые формы коммуникации непосредственно связаны с экономической деятельностью крупных концернов, так называемых *global players*, которые имеют представительства во многих частях света и объединены в единый экономический комплекс. С помощью компьютерных технологий они осуществляют обмен информацией, совершают различного рода сделки и т. д. В коммуникационном плане мир обретает размеры большой деревни — *global village*.

Однако коммуникация вряд ли возможна без общей языковой базы.

В XX веке функцию мирового средства общения приобрел английский или, точнее, англо-американский язык. Следует признать (к сожалению!), что в отличие от других мировых языков, таких как русский, китайский, испанский, французский, имеющих значение языка коммуникации в том или ином регионе, английский распространен по всему миру.

Влияние английского языка на немецкий также приобретает все большие масштабы, особенно со второй половины XX века.

Тем самым английский язык уже не только приобрел в Германии функцию *lingua franca*, но и становится предметом и средством культурной идентификации. Ориентация Западной Германии после Второй мировой войны на США привела к различного рода модификациям в структуре немецкого языка, прежде всего на уровне словаря и, в частности, фразеологии; в меньшей степени — на уровне грамматики и синтаксиса.

Вместе с тем сегодня в Германии наблюдаются довольно сильно выраженный протест против употребления англицизмов и американизмов в немецкой речи и многочисленные выступления в защиту чистоты немецкого языка.

В частности, в сенате Берлина обсуждался вопрос о необходимости принятия соответствующего Закона о защите немецкого языка. Реформа правописания, предпринятая немецкоязычными странами, также подвергается довольно жесткой критике и часто квалифицируется как провалившаяся и не поддерживаемая обществом. Инициатором принятия Закона о защите немецкого языка выступает сенатор по внутренним делам Э. Вертебах, сетующий прежде всего на засорение немецкого языка англицизмами<sup>4</sup>.

Довольно жесткое заявление было сделано Научным советом Союза немецкого языка (VDS):

«Англизация немецкого языка касается всех социальных слоев языкового сообщества... Англизация немецкого языка является результатом политико-экономического доминирования США в мире... Языковая власть попала сегодня в руки рекламных агентств, журналистов и сильных мира сего.

<sup>4</sup> Впрочем, следует отметить, что не все немецкоязычное сообщество разделяет жесткую позицию этого сенатора, хотя большинство пользователей Интернета, кажется, готовы поддержать подобный закон. (См.: *Süddeutsche Zeitung* 8.02.2001).

...Значительная часть масс-медиа и политиков интересуется не языком, а теми эффектами, которых можно достичь с помощью языка...»<sup>5</sup>.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что если провести параллель между англо-американским языком конца XX — начала XXI века и латынью и французским в прежние века, то бросается в глаза одно важное обстоятельство: роль латыни в качестве средства наднационального общения, начиная с раннего средневековья вплоть до XVIII века, была сопряжена с добровольной аккультурацией. Овладение французским как языком образованной европейской знати также происходило на добровольной основе.

Ни римляне, ни французы не занимались специально распространением своих языков — овладение латынью и французским происходило исключительно по желанию социальных слоев, осваивавших латынь или же французский дополнительно к своим родным языкам. Поэтому обогащение языков Европы за счет латыни и французского происходило на основе добровольной адаптации носителей этих языков ко второму (по отношению к родному) языку.

Нет специальной необходимости доказывать, что далеко не всякое употребление иностранного слова в речи способствует обогащению языка. Так, частое использование англицизмов в актуальном языке коммерции или же рекламы зачастую несет в себе некую политизированную сигнальную функцию и, видимо, справедливо критикуется как учеными, так и простыми носителями языка.

Вместе с тем вряд ли стоит полагать справедливым предание анафеме любого иностранного (в том числе английского) слова в родном языке, поскольку ситуации устной и письменной речи чрезвычайно многообразны и требуют подходящих форм выражения в зависимости от личностной интенции, предмета устного или письменного дискурса и, прежде всего, партнера по коммуникации.

Последний в этом ряду, а именно партнер по коммуникации, становится частью наиважнейшего политического процесса, ставящего немецкий язык (среди прочих европейских языков) в определенные рамочные условия. Это — процесс европейской интеграции, направленный на постепенное объединение Европы, превращение ее в общее духовно-культурное пространство с открытыми границами и многочисленными переплетениями во всех областях.

Представители прежде всего стран Европейского союза полагают, что европейская интеграция будет усиливать европейское языковое многообразие и самобытность языков. Однако, видимо, не только лингвисты одновременно с этим понимают и то, что Европа с идентичными экономическими, политическими и социальными реалиями будет неминуемо порождать явление межязыковой интерференции, способствуя возникновению такого лингвокультурного феномена, как евросемантика.

<sup>5</sup> <http://www.vds-ev.de/aktive/wiss.beiratthesen.htm>

Следовательно, и немецкий язык в изменившихся исторических, культурных и коммуникационно-технологических условиях начинает обретать новые очертания. Мы наблюдаем модификации в морфологии, лексике, синтаксисе и текстах. Во всех названных областях проявляется все большее влияние разговорного языка на письменный язык, специальных языков на общий язык. Спектр варибельности выявляет тенденцию от вертикальной «направленности» немецкого языка, которая была характерна для него на протяжении последних 300 лет, к горизонтальному членению. Кроме того, нельзя упускать из виду влияние на немецкий язык других языков, и в особенности английского, который претендует на роль новой латыни, как это было в прежние времена.

В заключение следует подчеркнуть, что немецкий язык в Германии, который, согласно Конституции страны, не является государственным языком, а определен как язык делового общения, переживает новый исторический период. Кроме того, подписав и ратифицировав Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств, Германия обязалась способствовать дальнейшему развитию этих языков, сохраняя их как культурное достояние Европы. Подписав эту Хартию, Германия берет на себя обязательство сохранять и развивать малые языки:

- 1) в области образования (детские сады, школы, высшие школы, образование взрослых);
- 2) в области судопроизводства;
- 3) в области общения с административными органами;
- 4) в области средств массовой коммуникации (радио и газеты).

В Германии к языкам меньшинств относятся: датский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, северо-фризландский, сатер-фризландский, языки немецких и не немецких цыган, региональный язык — нижненемецкий.

Германия совместно с другими странами Совета Европы полагает, что сохранение языкового и культурного наследия служит лучшему взаимопониманию народов, проживающих на территории того или иного государства, также способствует лучшей интеграции граждан в свое государство, пробуждая в них чувство толерантности и открытости по отношению к другим языкам и культурам.

Однако наряду с развитием малых языков, что, безусловно, является важнейшей государственной задачей для языков и культур любой страны, необходимо осознавать те перемены, которые происходят как внутри, так и по внешним контурам языка, на котором общается большинство граждан Германии. Он, как было показано выше, вступает в новый лингвоисторический период, характеризующийся эгаллизацией, ангажированностью и эмансипацией общества<sup>6</sup>.

<sup>6</sup> Jochen A. Bär. Deutsch im Jahr 2000, Wiesbaden, 2001.

А. И. Домашнев

## ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ

То, что не удавалось сделать еще в эпоху Римской империи времен Октавиана (Августа) и Траяна, а позднее, в начале XIX века, Наполеону I, происходит иным путем в Европе наших дней. В самом конце XX столетия и накануне нового тысячелетия начинают сбываться лучшие надежды Жана Моне<sup>1</sup>, которого собравшиеся в Люксембурге руководители стран Европейского союза 2 апреля 1976 года назвали «первым почетным гражданином Европы». Европа, на первых порах в своей западноевропейской ипостаси, т. е. в рамках Европейского союза (ЕС), стоит перед своим решающим шагом в направлении к полной и всесторонней интеграции, на основе которой должны возникнуть, говоря словами У. Черчилля, «Соединенные Штаты Европы», что является, в соответствии с Римскими договорами 1957 года, конечной целью Сообщества и чему посвятил все годы своей активной жизни Жан Моне, заслуги которого высоко оценил бывший тогда федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидт, назвав его зачинателем или первопроходцем в устремлениях к европейскому единению.

<sup>1</sup> Жан Моне (Jean Monnet), родившийся 5.11.1888 года в г. Коньяк (Cognac) во Франции, в семье виноделов и виноторговцев, отправившись в 16 лет впервые по делам фирмы на 2 года в Лондон, связал свою дальнейшую судьбу не только с расширением производства и продажи во всем мире знаменитого французского коньяка, но и с неутомимой деятельностью, направленной на постепенное сближение различных народов Европы между собой путем объединения их материальных ресурсов, далее — политических институтов различных государств, а затем и объединения народов этих стран. «Человек, который придумал Европу», как его называли собравшиеся 2.04.1976 года в Люксембурге главы стран Европейского сообщества, не был ни мечтателем, ни фантазирующим идеалистом. Напротив, будучи опытным и трезвомыслящим торговцем и банкиром, он твердо уверовал в то, что угрожающие кризисы и войны можно преодолеть, если эти народы самым тесным образом сплотятся друг с другом и будут стоять друг за друга. Обычного сотрудничества и координации для этого недостаточно. Ж. Моне не был ни дипломатом, ни политиком, но в период между двумя мировыми войнами и в особенности после Второй мировой войны он принимал самое непосредственное участие в разработке и реализации различных проектов международного сотрудничества, общался с общественными и профсоюзными деятелями, промышленниками, настойчиво пропагандируя свои идеи о необходимости полного объединения Европы. В этом смысле де Голль был его самым большим противником, поскольку всегда выступал за «Европу отечеств», тогда как главная цель для Ж. Моне состояла в том, чтобы преодолеть принцип возрождения Европы как совокупности национальных государств. Его идеал — это объединение Европы.

Г. Шмидт воспользовался возможностью высказаться в предисловии к книге Ж. Моне по поводу проблем, стоящих на пути к общей Европе. Он, в частности, выражал надежду, что многого можно добиться благодаря обычному «здравому смыслу» (англ. *common sense*), и подчеркнул тот факт, что Европейское сообщество, несмотря на имеющиеся внутренние проблемы, как раз в экономически трудные времена обнаруживало «удивительную силу». Поэтому, продолжал он, никому не следует терять терпения в отношении Европы: «История имеет большой запас дыхания. Эпохальное дело объединения Европы требует времени» (Schmidt, 1978: 14).

Однако по мере приближения действительной реализации выработанных в многолетних дискуссиях и договоренностях документов о полной интеграции Европы становятся все громче голоса тех, кто выступает в различных странах ЕС против принятого решения либо отдельных его положений. Известный германский журналист Д. Вильд, который после первого «нет» датчан и французского «ни да, ни нет» по поводу Маастрихтских соглашений в своем эссе в журнале «Шпигель» назвал эти негативные настроения «еврофобией», попытался представить «антиевропейский фурор», который все более разрастается, в свойственной ему фельетонной манере как «следствие необоснованных страхов утраты своей идентичности»: «Тут вдруг вспомнили датчане и немцы, французы и британцы после многих лет экономической интеграции о своей "идентичности" и стали сражаться, подобно Лаокоону, с прожорливым питоном Брюсселем, который, якобы, хочет их проглотить» (Wild, 1992: 37).

Звучавшие на протяжении десятилетий клятвы европейцев в их верности европейскому единству оказываются, по словам Д. Вильда, «лицемерными заверениями», поскольку такие действительно определяющие идентичность личности различия, как язык, культура, история, не будут отняты никаким европейским сообществом у входящих в него народов, в то время как «социальные структуры» в западноевропейских государствах (урбанизация жизни, промышленность, занятость населения, социальный характер государства, профсоюзы, массовая информация) взаимно сблизились, а качество жизни городов стало «почти одинаковым» при сохранении традиционных особенностей, так что люди в каком-нибудь местечке Цвизель в Баварском Лесу вовсе не должны жить как-нибудь иначе, чем жители в Парэ-ле-Мониаля в Бургундии, если не придавать внимания тому факту, что одни при этом отдают предпочтение пиву, а другие скорее вино (Wild, 1992: 37).

Повторное голосование в Дании, обеспечившее формальное одобрение Маастрихтских соглашений теперь уже во всех странах ЕС, свидетельствует о том, что, несмотря на наличие определенных различий, среди граждан Сообщества укрепляется сознание того факта, что только Соединенные Штаты Европы смогут преодолеть все недостатки ЕС и покончить с продолжающимся столетия европейским партикуляризмом. Тем самым они готовы признать, что их страны должны будут утратить неко-

торые из своих компетенций и определенную часть своего суверенитета, но ничего из того, что составляет их естественную самобытность и идентичность, к чему в первую очередь относятся собственная культура и язык. Так, говоря о языке, приходится отмечать, что многие европейские народы в ходе исторических процессов понесли потери в такой мере, что некоторые либо вовсе исчезли с лингвистической поверхности, либо в своих социальных функциях не могут более обходиться без помощи других языков. Так, ретороманцы Швейцарии, несмотря на то что их язык признан одним из четырех национальных языков страны (наряду с немецким, французским и итальянским языками), вынуждены пользоваться преимущественно немецким языком, если им приходится обращаться в официальные инстанции и учреждения кантона Граубюнден, где они компактно проживают, или если они хотят получить профессиональную подготовку и высшее образование. Даже итало-швейцарцы, которые имеют в Швейцарии собственную национально-административную территорию (кантон Тессин) и язык которых является, таким образом, одним из национальных и официальных (государственных) языков страны, вынуждены владеть либо немецким, либо французским языком, если захотят получить высшее образование, так как в Швейцарии нет италоязычного университета (Hauck, 1993: 151). Иной случай представляет собой языковая ситуация в маленьком центральноевропейском государстве Великом Герцогстве Люксембурге, где наряду с местным люксембургским (летцебургским) языком, с недавних пор провозглашенным государственным языком страны, в качестве официальных традиционно используются два других языка (французский и немецкий), которые в определенной социально релевантной последовательности настолько укрепились в своем общественном функционировании, что без них сегодняшний Люксембург просто невозможно себе представить (Домашнев, 1983: 188). В 1953 году, когда летцебургский язык еще рассматривался в качестве местного диалекта, используемого для целей повседневного общения, люксембургский германист Р. Брух писал: «Хотя диалект является единственным средством выражения в повседневном языковом общении, немецкий язык не менее, чем французский, воспринимается внутри наших границ в качестве чуждого пришельца. Однако, как только нам приходится писать или читать, мы всегда делаем выбор между этими культурными языками: мы одноязычны в устной речи и двуязычны в письменном языке. (Те из нас, которые используют в письменной речи и диалект, изобрели понятие "трехязычности").» (Bruch, 1953: 95).

Поскольку в Люксембурге нет собственного университета, то жителям страны приходится принимать самостоятельное решение о языке обучения и, соответственно, стране пребывания (Бельгия или Франция — с французским языком, на котором преимущественно осуществляется обучение в старших классах средней школы и в самом Люксембурге, либо Германия — на основе немецкого языка, на котором происходит обучение в школе I ступени (неполная средняя школа) и историческим диалек-

том которого является ныне государственный летцебургский язык), хотя нередко сами люксембуржцы на вопрос о своей языковой компетенции в области упомянутых языков обучения отвечают, что не чувствуют себя достаточно уверенно ни в одном из них. Люксембургский педагог и филолог П. Грегуар в связи с этим писал, что постоянные поиски языкового средства для выражения духовных национальных ценностей и идей сказываются на качественной стороне духовной жизни народа. Это беспрестанное стремление справиться с избранным языком творчества, а также чувство неуверенности и «полускрываемой неспособности» он сравнивает если не с «отрывом от корней», то с ослаблением связей (Grégoire, 1959: 36).

При рассмотрении имеющих место в сегодняшней Европе случаев утраты языковой идентичности мы еще не коснулись проблемы национально-этнических меньшинств, которые проживают компактными группами на окраинах иноязычных государств или образуют этнические «острова» внутри иноязычного большинства того или иного государства. Этно-национальная языковая идентичность таких групп населения зачастую оказывается под угрозой и зависит всегда от того, какие права на сохранение и поддержание национально-этнической культуры им гарантирует соответствующее государство. Так, во Франции, помимо французов, составляющих примерно 90% всего населения страны, имеются национальные меньшинства — эльзасцы, бретонцы, фламандцы, корсиканцы, каталонцы, баски (всего около 3 млн. человек) (Демографический энциклопедический словарь, 1985: 512), сохраняющие свои языковые и бытовые различия. Однако право на культурно-языковую автономию реализуется практически в столь ограниченных формах, что даже крупные национально-этнические группы не имеют возможности получить хотя бы школьное образование на своем языке. Так, баскский, каталонский и корсиканский языки допускаются в школе только в качестве факультативных предметов. Во Франции проживают в компактных регионах около 1,2 миллиона говорящих на алеманнском диалекте эльзасцев и на мозельско-франкском диалекте лотарингцев (Der Fischer Weltatmanach, 1984: 279), однако ни их родной диалект, ни немецкий литературный язык, частью которого эти диалекты являются, не служат языком обучения даже в сельских школах, где местное население в повседневной жизни общается между собой на своем диалекте. Даже в качестве языка литургии положение немецкого языка было еще в 1950–1960-е годы вполне стабильным, однако в настоящее время в городах и крупных населенных пунктах во время богослужения наряду с немецким все чаще используется французский язык, который становится также все больше и языком, используемым на занятиях в школе по религии, хотя ранее эти уроки осуществлялись, как и при богослужении в церкви, на немецком языке (Moser, 1962: 10). Отношение к родному языку эльзасцев и лотарингцев со стороны властей не улучшилось и в более позднее время. Так, эльзасский германист Ф. Гартвег в начале 1990-х годов писал, что в эльзасских школах

ходят не языковые изменения и преобразования, а процесс языковой замены, когда унаследованный язык в общем функциональном регистре языкового использования оттесняется языком более приближенным, имеющим большее политическое и культурное значение (Hartweg, 1981: 97). Эта сознательно проводимая во Франции политика в отношении языков национальных меньшинств приводит к тому, что организуемые в порядке местной инициативы на уровне общин попытки ввести, например, факультативное изучение немецкого языка оказываются безуспешными. По-прежнему французский язык является единственным средством, используемым во всех сферах общественной жизни, тогда как диалекту остается узкий круг общения в семье или с соседями «через плетень», а немецкий литературный язык оказывается вообще невостребованным: «С точки зрения языка эльзасец все еще сидит между тремя стульями и в известном смысле оказывается языковым калекой. Поскольку немецкий литературный язык в устном и в значительной степени в письменном общении потерял всякое значение, то мы находимся в действительности в условиях асимметричной диглоссии, в которой один компонент, французский язык, обнаруживает свой экспансивный характер, а другой — унаследованный диалект — «загнан в оборону», хотя для многих все еще остается первичным языком, в рамках которого происходит и опыт социализации личности» (Hartweg, 1981: 109).

Безусловно, в таком языковом ригоризме в этих районах Франции следует видеть следы той антифранцузской языковой политики, которую проводили здесь нацисты в период оккупации Эльзаса и Лотарингии, как и других областей Франции, в период Второй мировой войны, когда франкоязычное население изгонялось из этих мест, а французский как официальный язык и средство общения в школе был почти полностью вытеснен немецким языком. Сложная ситуация в языковом и национальном плане наблюдалась в этот период и в Люксембурге, местное население которого, как отмечалось выше, говорит на летцебургском языке, имеющем общие исторические корни с мозельско-франкским диалектом Германии (районы Трира и Кобленца). Рассматривая люксембуржцев по этой причине в качестве немцев, нацистские идеологи решили получить этому подтверждение путем референдума о немецком как родном языке люксембуржцев, диалектом которого и является летцебургский. Однако известно, что устроители референдума желаемого результата не получили, так как многие жители либо его бойкотировали, либо вписали в листки летцебургский в качестве своего родного языка. Кстати, именно из-за такого давления со стороны нацистских властей на люксембуржцев в послевоенное время немецкий язык перестал считаться в Люксембурге первым официальным языком, уступив эту роль французскому языку, а в 1984 году национальным (государственным) языком был провозглашен летцебургский язык, тогда как французский сохранил свой статус основного языка официальных документов и законодательных актов. Немец-

пруденции, при обучении в школе (Домашнев, 1983: 187–188; Ammon, 1991: 60–61, 535).

Одним словом, в современной Европе уже происходили многие процессы, делающие ныне европейские народы и этносы столь чувствительными ко всему, что затрагивает такие их важнейшие свойства и сущности, как культура, история и язык. В этих условиях фундаментальные изменения в привычных формах их традиционного существования, которые может принести с собой создание Соединенных Штатов Европы (независимо от того, как это образование будет называться), не должны касаться именно этих упомянутых выше сфер жизни людей. Казалось бы, что именно это и должно происходить, ибо со всех сторон высказываются обещания, что идентичность отдельных языков, как некая совокупность особенностей и отличительных черт, никоим образом не будет намеренно сглаживаться и нивелироваться. Между тем техническая цивилизация, массовая культура и другие, преимущественно заокеанские, импорты уже прошли в равной мере по всем странам Европы почти как катком, так что не приходится удивляться, если становится известным, что та или иная страна в решающий момент высказывает свое сомнение в целесообразности такой формы интеграции или даже делает попытки отказаться от высказанного согласия. Говоря в этом смысле о культурно-языковой судьбе европейских народов, следует напомнить, что так называемые языковые войны в Европе происходили постоянно и совсем еще недавно, если вспомнить накал страстей в процессе образования франкоязычного кантона Юра в Швейцарии (1978 год) либо недавний процесс федерализации по принципу языков (валлонский, фламандский) в Бельгии, в основе которых лежат как культурно-исторические традиции, так и, в большей мере, социально-экономические процессы в данных странах, когда язык становится чуть ли не последним бастионом, который необходимо удерживать в своих руках при любых обстоятельствах (на самом деле за всем этим стояли общественно-экономические причины и обстоятельства). Именно поэтому в последнее время, по мере приближения новой точки отсчета в жизни стран ЕС, наряду с нарастающим уровнем политических дискуссий относительно контуров и конкретных форм политического объединения стран-участниц в «государство государств», резко возрос интерес к вопросам языкового обустройства создаваемого сообщества, хотя весь накал борьбы еще не приводит к возведению новых оборонных линий. Напротив, многие в странах ЕС сегодня вполне согласны с тем, что образование наднационально-государственного объединения на основе упомянутых стран Западной Европы не может обойтись без взаимного языкового сближения людей, хотя никто не ставит однозначно вопрос таким образом, что срастание европейских национальных культур должно означать также и языковое срастание народов. Речь, следовательно, идет о том, что по чисто прагматическим причинам нельзя оставить без внимания вопрос о том, сохранится ли в объединенной Европе прежнее многоязычие (языковая полифония), или для целей общения в

этих пределах могут быть приняты несколько региональных либо один общий язык, что не затрагивало бы функции и статус национально-государственных языков нынешних государств. Тем самым выдвигается идея, у которой практически нет аналогов в современном мире, так как речь идет о высокоразвитых культурных государствах с их равноправными культурными языками, которые не должны понести никаких социо-функциональных потерь и тем не менее не могут одинаково равноценно функционировать на репрезентационном уровне всей объединенной Европы. Представление о таком новом языковом Вавилоне может еще более усложниться, если принять во внимание, что круг государств-основателей интегрированной Европы в будущем может заметно расшириться за счет стран Центральной и Восточной Европы благодаря тем общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям, которые в них происходят. Одним словом, нет ничего более ошибочного, чем предположение, которое настойчиво высказывает немецкий германист Р. Пфромм, что языковые проблемы, с которыми столкнется объединенная Европа, имеют примерно такой же характер, как это было в таких многонациональных странах или союзных государствах, как США, Советский Союз, Канада, Швейцария и Бельгия (Pfromm, 1989: 9).

Так, в США с их национально-этнической и языковой политикой «плавильного котла» (melting-pot) имеется только один официальный язык — английский (точнее англо-американский), хотя другие национально-этнические группы, например немцы, мексиканцы, составляют многочисленные компактно проживающие сообщества, в районах расселения которых этнический язык используется только в повседневном общении в узком кругу семьи и ближайшего этнического окружения. Допускаемые в отдельных регионах страны программы двуязычного (т. е. с использованием этнического и английского языка) обучения в государственных школах должны «заключаться в том, чтобы как можно быстрее и эффективнее обучать детей английскому языку», а для любого «отдельного учащегося двуязычное обучение должно служить переходной стадией» путем отказа в пользу английского языка. Таким образом, принцип американской языковой политики в отношении национально-этнических групп населения США заключается в том, что политика, «направленная на удовлетворение прав меньшинств, лишь тогда обретает всеобщую поддержку, когда она выражается в действиях, поддерживающих доминирующую концепцию американской общности, а не разрушающих ее» (Ситрин, 1991: 65).

В Швейцарии, напротив, нет единого государственного языка, поскольку все четыре языка (немецкий, французский, итальянский, ретороманский) имеют статус национальных, из которых первые три одновременно признаны государственными (официальными) языками страны. Так называемые германо-швейцарцы (около 73,6% населения страны, 1980 год) составляют этническое большинство, однако немецкий язык не имеет никаких функциональных преимуществ

внешней репрезентации государства. Численно наименьшая этническая группа населения — ретороманцы (около 1% населения, 1980 год) — пользуется в повседневной жизни своим родным языком, который имеет и письменную форму, однако при обращении в инстанции, поскольку они проживают в основном на территории немецкоязычного кантона Граубюнден, они вынуждены пользоваться немецким языком, который им также необходим в целях социального и профессионального продвижения. Среди представителей других этнических групп населения страны, в особенности среди итало- и франко-швейцарцев, достаточно развито индивидуальное двуязычие, преимущественно с участием немецкого языка, поскольку такие крупнейшие центры страны, как Цюрих, Берн, Люцерн, Базель, находятся на территории распространения немецкого языка. Достаточно широко развито двуязычие и в регионах языкового схождения; есть также объявленные зоны двуязычия, например, город Фрибур, где в местном университете имеются группы студентов, образованные по принципу языка. Все это свидетельствует о том, что опыт многоязычной Швейцарии, являющейся одним из самых устойчивых федеративных государств, может говорить только в пользу отказа в создаваемой новой Европе от попыток жесткой языковой институционализации.

Ссылка Р. Пфромма на Бельгию (Pfromm, 1989) еще менее состоятельна, поскольку здесь речь идет, главным образом, о двух этнических компонентах населения страны. Сложность ситуации заключается, возможно, лишь в том, что округ столицы страны Брюссель, географически расположенный на территории говорящих на нидерландском языке фламандцев, составляющих около 57,1% (1982 год) всего населения, является преимущественно франкофонным, хотя считается городом объявленного двуязычия, тогда как говорящие на французском языке валлоны (около 32,7% населения страны, 1982 год), безусловно, получают постоянную поддержку статуса своего языка благодаря языковому «тылу» во Франции, к границам которой примыкает ареал расселения валлонов, а также благодаря роли французского языка как средства международного общения (роль французского языка в ООН, ЕС и в различных международных организациях и учреждениях). Проживающие в Бельгии этнические немцы (около 65 тысяч человек, 1982 год) используют немецкий язык не только в повседневном общении, но и в качестве делового языка в пределах этнической общинной территории (*regionale Amtssprache*) (Der Fischer Weltalmanach, 1984: 243), однако есть основания считать, что многие из них владеют также и французским языком, поскольку ареал расселения этнических немцев Бельгии, примыкающий к границам Германии и Люксембурга, находится в непосредственном контакте с территорией основного проживания франкоязычных валлонов (Kern, 1980: 98), на территории которых этот ареал и выделился.

На территории бывшего Советского Союза, на опыт решения политико-языковых проблем в котором ссылается Р. Пфромм, русский язык являлся родным для большей части населения всей страны: в историчес-

ких условиях образования России и существования СССР он, безусловно, широко использовался на территориях национальных республик страны и национально-этнических автономий в пределах Российской Федерации. Несмотря на это фактическое положение вещей, он не был объявлен государственным языком страны, тогда как во всех 15 союзных республиках СССР языки соответствующих наций были либо официально, как в Грузии, объявлены государственными языками, либо являлись таковыми без всяких формальных уложений. Во всех республиках были созданы национальные академии наук, имелись университеты, высшие и средние школы с преподаванием на родном языке, который являлся языком не только обихода, но и официального, делового общения. Конечно, в условиях интенсивной производственной экономической интеграции и сращения всех сфер жизни людей на совокупном пространстве страны, в условиях свободного перемещения людей из различных регионов в любые другие центры по трудовым, а также личным или семейным причинам, в целях получения образования в престижных вузах Москвы, Ленинграда, Киева и других центров наблюдалась постоянная флуктуация в национальных структурах населения. Все это привело к усилению многонационального характера многих союзных республик. В этих условиях возрастала роль русского языка как средства общения населения во многих регионах и городах, подобно тому как он уже стал языком общения в экономической, политической, культурной жизни людей в пределах всего Союза.

Интеграционные процессы в СССР казались настолько прочными и глубинными, что идеологической пропагандой был подхвачен тезис философов-обществоведов о сложении советского народа как новой исторической, социальной и интернациональной общности людей, имеющих единую территорию, экономику, «единую по социалистическому содержанию и многообразную по национальным особенностям культуру, федеративное общенародное государство и общую цель — построение коммунизма» (Философский энциклопедический словарь, 1983: 621). Впрочем, такое наднациональное единение народов не следует рассматривать ныне только с позиций факта распада единой страны на крутом изломе ее истории, что должно якобы только подтвердить ее искусственный или, тем более, имперский характер. С другой стороны, следует напомнить, что никогда вопрос не ставился таким образом, чтобы в конечном счете, по аналогии с «плавильным котлом» американской нации, выплавить единую советскую нацию. При этом нельзя отрицать и заметного сближения различных наций и народов страны, включая развитие межнациональных браков, что, безусловно, имело определенные демографические последствия. Так, если в 1970 году таких браков в целом по стране было 7,9 млн., или 13,5% общего числа новых семей, то в 1979 году — 9,9 млн., или 14,9%. Еще больше смешанных браков (каждый второй) наблюдалось среди жителей новых районов освоения, в северных областях Казахстана, в Сибири и других районах. Статистика

тенсивность перемещения лиц различных национальностей была неодинаковой. Наибольшая интенсивность была характерна для русских, украинцев, белорусов, эстонцев, латышей, литовцев; в то же время представители коренных национальностей республик Средней Азии отличались низкой миграционной подвижностью (Демографический энциклопедический словарь, 1985: 246), тогда как и в эти регионы страны, в связи с осуществлявшимся там экономическим развитием, прибывало большое количество русских и русскоязычных переселенцев. В некоторых республиках, в особенности в крупных городах и экономических центрах, русскоязычное население составляло от 30 до 40%, либо находилось в пропорции 1:1 и выше. В языковом отношении эти и другие процессы приводили к тому, что русский язык укреплялся здесь в своем употреблении в различных сферах общественной жизни в такой мере, что в ряде союзных республик (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан) стал рассматриваться, по крайней мере в официальных пропагандистских политических документах, в качестве второго родного языка. Близкородственные отношения русского, украинского и белорусского языков отразились, в частности, на том обстоятельстве, что в столицах и крупных городах Украины и, в особенности, Белоруссии в вузах и даже в школах преподавание осуществлялось не на родном, а преимущественно на русском языке. Подобный языковой нигилизм в целом оправдывался тем обстоятельством, что русский язык в качестве одного из мировых языков обеспечивает прямой доступ к участию во всех важнейших процессах во всех сферах общественной жизни, а многие представители национальных элит тем самым нередко вообще утрачивали связь со своим национальным языком. Вместе с тем, данные переписи населения 1989 года подтверждали наличие двух взаимосвязанных тенденций: с одной стороны, происходило дальнейшее расширение двуязычия со вторым русским языком, с другой — и 25-миллионное русское население, проживающее в союзных республиках, приобщалось к языкам национальностей, образующих союзную республику (Губогло, 1991: 5).

Особенно актуальными языковые проблемы являлись для представителей малочисленных национально-этнических групп, общее количество которых, например в Российской Федерации, в соответствии с переписью населения в 1989 году, составляло 129 народов (еще 54 названы в дополнительном списке, которые ранее практически не упоминались: ингерманландцы, вепсы и другие). Среди официально признанных 26 малочисленных народностей Севера (алеуты, долганы, ительмены, коряки, нигидальцы, ненцы, ороки, удэгейцы, чукчи, эвенки и другие), общее количество которых составляет примерно 183 700 человек (1989 год), имеются такие, численность которых составляет 35 000 (ненцы), тогда как другие этнические группы: алеуты, ороки, нигидальцы, тофалары, энцы — насчитывают от 200 до 700 человек (Вахтин, 1993: 13). В силу целого ряда причин, которые оказываются для различных национально-этнических групп нередко различными (малочисленный характер этнической группы, рассеянное про-

живание людей общей этнической принадлежности и др.), на протяжении последних десятилетий происходило преимущественно снижение количества представителей этих народностей, считающих родным языком язык своей национальности. Если в 1959 году из 3717 нивхов 76% считали родным языком язык своей национальности, то в 1989 году из 4700 человек только 23% (т. е. чуть более 25% от числа лиц в 1959 году) считали родным языком язык своей национальности (Вахтин, 1993: 47). Степень владения родным языком в большинстве районов Севера связана с возрастом носителей: старшие еще составляют группу, для которой основным языком общения является национальный язык, а младшие, напротив, ориентированы на язык более крупного этноса, как правило, русский. Наблюдающееся снижение количества представителей этих народностей, считающих родным языком язык своей национальности, связано как с миграционными процессами на Севере, в том числе и за счет коренного населения, выезжающего в другие места, так и с интенсификацией процесса «не плавного» перехода от двуязычия к одноязычию уже на основе русского языка (Вахтин, 1993: 46).

Во многих автономных республиках Российской Федерации, статус которых в последнее время претерпел принципиальные изменения и которых в России насчитывается 21 (Татарстан, Чувашия, Мордовия, Удмуртия, Калмыкия, Тува, Дагестан, Коми, Якутия и другие), национальные языки возведены в ранг государственных языков, хотя русский язык, законодательно объявленный государственным лишь в недавнее время, продолжает оставаться во всех субъектах Федерации межнациональным языком общения (Солнцев, 1992: 8). Этому способствует то обстоятельство, что в ряде республик Федерации титульные нации не составляют большинства населения и, наряду с русскими, здесь постоянно проживают представители как соседних республик, так и других бывших союзных республик, ныне имеющих суверенную государственность (украинцы, азербайджанцы, грузины, армяне). Так, в Башкортостане башкиры составляют лишь 21,9% населения, русские — 39,3%, татары — 28,4% (Солнцев, 1992: 9), а остальные примерно 10,4% составляют лица других национальностей. При этом в качестве родного языка русский здесь назвали 1725,7 тыс. жителей (1979 год), в том числе 178,9 тыс. лиц нерусской национальности. Помимо этого, русский в качестве второго языка назвали еще 1498,8 тыс. жителей нерусской национальности, так что из общего количества жителей Башкортостана (3850 тыс. человек) 3224,5 тыс. жителей назвали русский либо единственным, либо вторым своим языком (Демографический энциклопедический словарь, 1985: 30). Однако и в других автономных республиках, в которых «титульные нации» составляют большинство (более 50%), русские составляют около или более 1/3 населения. Так, в Тыве тувинцы составляют 64,3%, русские — 32%, в Чувашии чуваша составляют 67,8%, русские — 26,7%, татары — 2,7% (Солнцев, 1992: 9). Таким образом, условия, в которых складывался статус русского языка в качестве языка национального большинства как всей ста-

ны в границах бывшего Союза, так и в пределах Российской Федерации, не имеют ничего общего с тем положением, в котором находится любой из языков стран ЕС, если пытаться по этой аналогии обосновывать свои предложения относительно какого-либо единого средства языкового общения в пределах объединенной Европы.

Нынешнее Европейское сообщество, стремящееся стать Соединенными Штатами Европы, представляет сегодня, как хорошо известно, многоязычную область, «титовые нации» государств которой представлены развитыми культурными языками, обладающими максимальными общественными функциями. Наряду с этим в Западной Европе есть языки с так называемым подавленным статусом, т. е. они используются практически лишь в пределах семейного либо общинного общения, оставаясь при этом в центре внимания при национально-этнической идентификации и самоопределении: фарерский (главным образом в Дании), фризский (в Нидерландах и в северных районах ФРГ), группа вариантов ретороманского языка: ретороманский (в кантоне Граубюнден Швейцарии), тирольский ретороманский (обл. Трентино-Альто-Адидже, Италия) и фриульский (обл. Фриули-Венеция-Джулия, Италия), язык говорящих на алеманнском диалекте эльзасцев или на мозельско-франкском диалекте лотарингцев (Франция), а также, собственно, и государственный язык Люксембурга — летцебургский (люксембургский), поскольку максимальные общественные функции здесь выполняют французский и немецкий языки.

Среди языков стран нынешнего Европейского союза, имеющих признанный международный авторитет, в особо сложной ситуации, очевидно в результате германского «следа» недавнего исторического прошлого в Европе и во всем мире, оказался немецкий язык, обладающий, как известно, в Западной Европе, наибольшим числом носителей. В то время как английский и французский языки благодаря их роли в созданной в 1945 году ООН укрепили свой международный статус и авторитет, к которым в качестве третьего делового (официального) языка в 1948 году присоединился испанский язык, немецкий язык, по понятным причинам, там вообще не был представлен и был допущен в 1975 году к использованию в качестве «полудокументального языка»<sup>2</sup> (Semi-Dokumentarsprache) (Paque, 1987: 6), после того как оба германских государства того времени (ФРГ и ГДР) в 1973 году были одновременно приняты в число членов ООН. В рамках ЕС, как это явствует из Римских договоров 1957 года, все национальные языки стран-участниц должны рассматриваться в качестве равноценных официальных языков (Amtssprachen), однако практика ЕС ха-

<sup>2</sup> Статус «языков документов» в ООН имеют такие языки, с которых и на которые не осуществляется в официальном порядке устный перевод; однако на такие языки, как и на все официальные языки ООН, осуществляется перевод документов и резолюций Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и годовые доклады примерно 50 органов, комитетов и подкомитетов ООН. Поскольку при этом на немецкий язык переводятся не все из перечисленных материалов, а лишь только выборочные документы, то такой статус немецкого языка определяется в качестве «полудокументального языка» (Semi-Dokumentarsprache) (Paque, 1987: 7).

рактеризуется тем обстоятельством, что в штаб-квартирах Сообщества в Брюсселе и Люксембурге фактически обходятся лишь двумя языками — английским и французским, хотя и «федеральный канцлер, и его министры по делам экономики, и германские чиновники в Брюсселе уже давно требуют, а в настоящее время все чаще, настойчивее и громче, ввести немецкий, наряду с французским и английским языками, в качестве рабочего языка ЕС» (Born, 1993: 165). Правда, как отмечает известный германский социолингвист У. Аммон, в последнее время все заметнее видны признаки того, что положение немецкого языка в органах и комитетах ЕС «несколько укрепляется». Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что с апреля 1990 года все заявления европейских комиссий для прессы публикуются, помимо французского и английского, и на немецком языке (Ammon, 1991: 82). Одним словом, значение того или иного языка не всегда зависит от формального статуса и определяется скорее тем, в какой мере тот или иной язык фактически используется и как к этому относятся сами говорящие на таком языке. Цитировавший уже ранее германский политолог Р. Паке в этой связи замечает, что тот, кто, находясь в учреждениях, подобных брюссельским и люксембургским кабинетам ЕС, где немецкий является официальным языком, в служебном и приватном общении со своими коллегами говорит только по-французски и по-английски и не пытается даже одним словом приветствия узнать, понимает ли его собеседник немецкий язык или «проявляет готовность обучиться ему или потренироваться в нем», не должен удивляться, если затем в журналах ЕС и даже в независимых изданиях, наподобие журнала «Economist», высказывается предложение ограничиваться в практическом деловом общении в ЕС английским и французским языками, вместо того чтобы «по крайней мере» пользоваться «тремя западноевропейскими языками общения — английским, французским и немецким» (Paque, 1987: 7).

В этом смысле обращает на себя внимание то несколько странное обстоятельство, что многие представители немецкой элиты сами готовы к отказу от своего языка в общении за пределами Германии в пользу английского. Безусловно, такое наблюдение не имеет ничего общего с такими ироническими суждениями, которые приписывают одному из бывших французских премьеров, согласно которым распространению родного языка можно способствовать тем, что «не говорить ни на каком другом языке» (Stark, 1993: 17). Дело в том, что многие немцы, подобно некоторым голландцам или датчанам, языки которых и в самом деле менее распространены в мире, приезжая, например, в Россию для деловых переговоров или на научные конференции, пытаются непременно пользоваться в общении со своими российскими партнерами английским языком либо услугами переводчика с английского, тогда как переводчики с немецкого языка здесь имеются, как говорится, в любом количестве. Между тем они могли бы по крайней мере избавить самих себя от трудностей или неудобств пользоваться неродным языком, если их собеседник, как может выясниться, не владеет соответствующим иностранным языком и

вынужден в любом случае пользоваться услугами переводчика. При подобных наблюдениях нельзя отделаться от впечатления, что некоторые немцы считают принадлежностью к хорошему социальному стилю использование английского языка, даже если они находятся не в англоязычном окружении. Таким образом, такие немцы могут невольно способствовать тому, что их язык постепенно исчезнет из сферы международного общения или, во всяком случае, это не упрочит его функциональное положение, с чем, как представляется германскому дипломатическому чиновнику и политологу Б. Витте, некоторые немцы «смирненно согласились» (Witte, 1988: 233) или, как заключает руководитель зарубежной редакции Баварского телевидения, модератор программы «*Weltspiegel*» и германист Ф. Штарк, у некоторых немцев имеются «проблемы в нормальном отношении к своему родному языку» (Stark, 1993: 17).

Общее снижение роли немецкого языка в международном языковом распределении в период между двумя мировыми войнами и в особенности после Второй мировой войны, оказало отрицательное воздействие и на его функцию как языка науки, где эта роль всегда была достаточно высока. Известный германист Г. Вайнрих в этой связи излагает свое представление о том, как этот эффект может достигаться целенаправленными действиями: «Однако когда я постоянно слышу стереотипный аргумент, что ныне публикацией на немецком языке просто более невозможно достучаться до научного сообщества, я задумываюсь, действительно ли такой коллега стремится к международному общению ученых или только хочет импонировать небольшой элите исследователей, которые как раз владеют монополией на распределение званий в той или иной области науки и, естественно, «сидят» в трех или четырех центрах в других странах. Утверждение, что все написанное не на английском языке в науке просто не читается, хотя, пожалуй, и соответствует фактам в некоторых ее отраслях, однако служит для некоторых нередко защитным оправданием, когда они, перед лицом и без того угрожающе нарастающей информационной лавины, охотно ищут простые критерии, чтобы с ходу отклонять большие части этого информационного предложения, не подвергая себя тем самым опасности упреков по поводу неполноты научной документации» (Weinrich, 1988: 309, 310).

В одной из своих более ранних публикаций Г. Вайнрих, говоря о почти «мизерабельном» положении немецкого языка в Европе и в мире, когда английский язык стал универсальным средством общения, с горькой иронией замечает, что тот, кто рассчитывает в своих исследовательских достижениях на получение Нобелевской премии, должен публиковать свои научные доклады сразу на английском языке, иначе результаты его исследований окажутся бесполезными в тот самый момент, когда они, «выходя из-под немецкого пера, увидят свет» (Weinrich, 1986: 42).

Если в странах ЕС, говоря о будущем языкового обустройства Сообщества, упоминают три функционально наиболее важных языка, кото-

ностью интегрированной Европе, то, безусловно, наибольшие шансы стать таким европейским *lingua franca* имеет английский язык, поскольку он, действительно, наиболее распространен в современном мире и стал как бы *par excellence* международным языком или, говоря словами У. Аммона, «мировым языком нашего времени».

Отрицать доминирующую роль англо-американского языка в современном мире невозможно, так как никакой другой язык в мире в настоящее время не обладает аналогичным спектром его международных функций. Так, отмечая, что хотя немецкий язык и относится к числу десяти, а может быть и пяти, наиболее распространенных языков в мире, У. Аммон одновременно подчеркивает, что «интервал отставания» немецкого языка от английского оказывается колоссальным (*enorm*), а общее количество его международных функций оказывается намного меньшим (Ammon, 1991: 567). Одновременно многие социолингвисты и политологи высказывают сомнение в том, что какое-либо современное европейское национальное сообщество окажется готовым вступить в какой-либо «специфический союз» с каким-либо иностранным языком. Во всяком случае, говоря об этом, У. Аммон подчеркивает, что подобные трудности могут возникнуть у немцев и нечто похожее следует ожидать прежде всего в случае с французским языковым сообществом, тогда как более многочисленные европейские языковые общности (нидерландская, скандинавские), которые уже давно характеризуются тем, что привыкли пользоваться при международном общении иностранными языками, не проявляют подобной сдержанности (Ammon, 1989: 270). Одновременно отметим, что в некоторых соседних с Германией странах более благоприятное отношение к английскому языку все еще связано с недавним прошлым, когда нацистский режим Германии проводил открытую политику подавления культур и языков этих народов. Так, в случае с Нидерландами и фламандской Бельгией планировалось намеренное понижение роли родного нидерландского языка до уровня диалекта и закрепление немецкого в качестве официального языка (Ammon, 1991: 536). Проводилась политика «онемечивания» населения и в Польше: во время оккупации школьное и вузовское обучение происходило только на немецком языке. Долгие годы и после войны немецкий язык во многих европейских странах рассматривался в качестве языка оккупантов, что, безусловно, сдерживало в этих странах желание людей изучать немецкий язык (Stark, 1993: 16), а на бытовом уровне это отношение сохраняется в некоторых странах, например в Нидерландах, до настоящего времени. В этой связи вспоминается, что, находясь в мае 1974 года в Лондоне, я был принят в составе небольшой делегации в служебном кабинете в парламенте премьер-министром страны Г. Вильсоном, который, узнав, что я занимаюсь германистикой и преподаю в вузе немецкий язык, с легкой иронией заметил: «Почему не английский? Разве вам было мало недавней войны?».

Однако следует ли из подобного хода мыслей делать вывод о том, что

языковые проблемы будут легко решены, если поскорее покончить с дискуссиями о формах «еврофонии», а вместо этого предложить один общий европейский официальный язык (Amtssprache) в качестве «евроязыка», который станет и единым языком общения объединенных европейцев? Так, немецкий лингвист Т. Иклер в журнале «Sprachreport», издаваемом Институтом немецкого языка в Мангейме, писал, что после «тщательного» анализа различных вариантов решения английский язык представляется ему наиболее подходящим для того, чтобы выступать в качестве «международного посредника». При этом он полагает, что решение в пользу одного мирового языка и, тем самым, прекращение «злосчастной конкурентной борьбы языков» создаст пространство, в котором будут даны «шансы для выживания» и всем другим языкам (Ickler, 1991: 18).

Однако из серии высказанных аргументов по поводу языкового обустройства объединенной Европы в целом для европейских языков складывается несколько странная и противоречивая перспектива. Если Д. Вильд, мнение которого мы приводили в начале статьи, возвышенно и увлеченно заверяет, что новая форма жизни европейских народов ничего не отнимет у них из того, что имеет отношение к их самосознанию, как, например, язык, то Т. Иклер обещает всем народам лишь «шансы для выживания» их языков, если они прекратят эту «злосчастную» конкуренцию между собой и смиренно «столят» вокруг единственного мирового языка.

В целом следует поставить вопрос о том, в какой мере подобные предложения могут быть вообще реализованы, если исходить из того, что речь идет о современных наиболее развитых европейских нациях и государствах, имеющих свои собственные культурно-языковые традиции, и возможно ли вообще вмешательство в языковую жизнь народов при достигнутом ныне уровне и объеме функций языков соответствующих стран без того, чтобы при этом для них не возникли отрицательные последствия? Следует также задаться вопросом о том, находят ли столь радикальные предложения, несколько поспешно сформулированные, в разумном соотношении с проблемами, которые при этом могут возникнуть? И вообще, удастся ли уговорить всех европейцев изучать только один конкретный иностранный язык, независимо от того, какой именно язык хотел бы изучать тот или иной человек? В этой связи Г. Вайнрих писал: «Некоторые люди считают, в частности, вполне реальным делом, чтобы каждый гражданин Земли, который хочет стать и гражданином Вселенной, наряду со своим территориальным языком, изучал бы только один-единственный международный язык общения и всемирный вспомогательный язык, с помощью которого можно было бы решать и все наднациональные проблемы коммуникации, при условии, однако, что весь мир придет к согласию в том, какой именно язык должен им стать» (Weinrich, 1988: 308).

И хотя сам Вайнрих признает, что английский язык, безусловно, является наиболее перспективным кандидатом на эту роль, он, несмотря на это, продолжает отстаивать такую стратегию изучения иностранных языков в

В целом, однако, следует заметить, что любая риторика в отношении «евроязыка» лишается известного смысла, если не определен однозначно, так сказать, человеческий объект этих усилий. Если иметь в виду чиновников и политических представителей в многочисленных учреждениях и парламентах этого будущего супергосударства, то все проблемы собственного языкового *modus vivendi* они легко решат сами, выбрав, например, окончательно английский язык в качестве «Eurospeak». Если же иметь в виду большинство средних европейцев, то эта тема получает сразу же совершенно иное измерение и при этом возникает много самых различных вопросов. Следует иметь в виду, что значительное число жителей этих стран будут и в будущем практически монолингвами, поскольку свою повседневную жизнь они проживают в привычных формах и не летают каждую пару недель в авиалайнерах в Лондон или Нью-Йорк. К тому же они уже владеют каким-либо языком своих соседей, которого им вполне достаточно для привычного общения, как это отмечается и в Бельгии, и в Швейцарии, и в Люксембурге. Кстати, в какой мере для жителей Люксембурга английский язык окажется более важным, если исторически они уже привыкли жить с двумя другими языками — французским и немецким, которыми они овладевают, начиная со школьных лет? Интересными в этом смысле являются результаты опроса, который был проведен среди 1120 начинающих студентов из ряда городов Германии (Аугсбург, Трир, Киль), из Хельсинки и Турку (Финляндия) и из Лёвена (фламандская часть Бельгии). 70% опрошенных высказались в пользу одного общего европейского официального языка, тогда как примерно 20% настаивали на сохранении имеющегося многоязычия во всех областях жизни. При этом заметим, что речь идет о суждениях студентов, которым в любом случае предстоит изучение иностранных языков, тогда как мнения представителей других групп населения здесь вообще не учитывались. Различными оказываются и языковые ориентиры опрашиваемых в зависимости от страны их проживания. Так, 80% респондентов из Германии считают, что общеевропейским языком должен стать английский язык, тогда как у финских студентов английский язык уступает немецкому, русскому и французскому языкам, а также второму государственному языку Финляндии — шведскому. Таким образом, финские оценки указывают на большую, чем в Германии тенденцию к сохранению европейского многоязычия (Schröder, 1981: 65–66).

Это мнение финских респондентов следует принять во внимание, если учесть, что в условиях возникших новых трудностей в странах ЕС при первых конкретных шагах по реализации Маастрихтских соглашений (бюджетный дефицит, повышение цен, государственный долг стран-участниц, рост безработицы) были спешно предприняты усилия по включению в состав Евросоюза таких благополучных в социально-экономическом отношении стран, как Австрия, Норвегия, Финляндия и Швеция, мнения которых, как показывают результаты опроса в Финляндии, не обязательно должны будут совпасть с тем, что по этому поводу думают в

Кстати, попутно заметим, что всемирно известный language gap («языковой пробел») американцев в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что среди американских учащихся старших классов только 15% изучают какой-либо иностранный язык, при этом лишь 5% из них изучают его дольше, чем два года (Weinrich, 1988: 309). Стоит ли решением в пользу английского языка в качестве единственного европейского языка общения невольно способствовать тому, чтобы такое неблагоприятное развитие в американском обществе сохранялось и далее?

Представляется, что в настоящее время европейцам, еще не построившим своего общего дома, вообще не следует так настойчиво, как это делает в Германии уже упоминавшийся Иклер, предлагать английский язык в качестве общего «евроязыка» («Eurospeak»). Тем более что, помимо уже вновь приглашенных четырех стран Европы, о которых речь шла выше, членами общего надгосударственного образования хотели бы стать многие постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы, которые, помимо общего интереса к английскому языку, сохраняют исторические традиции особых языковых отношений с Германией или Австрией (Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Хорватия и др.), о чем свидетельствует и обстановка «сущего ренессанса», который с начала 1990-х годов переживает немецкий язык в этих странах, что создает серьезную конкуренцию даже английскому языку (Földes, 1993: 217).

Говоря о создании объединенной Европы, следует также отметить, что все разговоры об английском языке как единственном средстве общения в интересах будущего «государства государств» выглядят несколько преждевременными, поскольку более точные контуры этой надгосударственной конструкции еще окончательно не обозначены. По сути дела, еще не до конца ясно, имеется ли в виду союз государств, или союзное государство, или сообщество государств нового типа, связанное экономическими интересами. Судя по всему, датчане и британцы выступают пока против развития более тесных форм политических связей, тогда как немцы, испанцы и итальянцы и правительства стран Бенилюкса стремятся к более тесному союзу, а позиция Франции остается пока неясной. Так, видный политический деятель Великобритании М. Тэтчер в интервью, данном ею в конце 1993 года для журнала «Der Spiegel», прямо заявила, что относится вообще нетерпимо к «идее федеративного государства Европа». При этом она откровенно сказала о том, что немцы таким путем стремятся не к тому, чтобы укрепить Германию в Европе, а к тому, чтобы привязать остальную часть Европы к Германии. Помимо этого, она не считает полезным для «финансового здоровья» европейских государств введение единой валюты, подчеркнув, что если бы она была представителем Германии, то непременно сохранила бы и Бундесбанк (Федеральный банк ФРГ), и немецкую марку. Рассуждая далее о своих опасениях по поводу отрицательных последствий столь тесного объединения, М.Тэтчер отметила также, что Германия, не добившись у себя той степени струк-

удалось сделать в Великобритании, после объединения попытается переложить часть своих высоких расходов на плечи других стран объединенной Европы. Любопытно отметить, что М.Тэтчер, которая продолжает оказывать серьезное влияние на позицию своей страны в международных вопросах, столь же сдержанно относится, в особенности после объединения Германии, к попыткам Германии укрепить свои позиции в ООН путем возможности получения постоянного места в Совете Безопасности. На поставленный на этот счет вопрос германского журналиста она недвусмысленно ответила, что в таком изменении нет никакой необходимости, поскольку Франция и Великобритания уже представлены в этом органе и данное место по праву принадлежит такой стране, как Индия, а для Германии это рано еще и сейчас, почти через 50 лет после окончания войны (Spiegel-Gespräch, 1993: 174–175). С другой стороны, и в самой Германии, в частности в руководстве баварского крыла долгие годы правившей в Германии партии христианских демократов, растет критицизм по поводу как темпов продвижения европейских государств к единству, так и объема компетенций, передаваемых в общую Европу, что грозит «разрушением изнутри» немецкой государственности. Все это побудило тогда канцлера Германии Г. Коля все же «сменить риторику»: великое словосочетание «Соединенные Штаты Европы», которое Г. Коль заимствовал у Уинстона Черчилля, позднее оказалось вычеркнутым из текста всех его речей (Егорова, 1993: 18–21]. Одним словом, одобрение Маастрихтских соглашений не только явилось толчком в развитии процесса европейской интеграции, но, одновременно, поставило на повестку дня много новых принципиальных вопросов, на которые еще не найдены исчерпывающие ответы. Тем более уместно не торопиться с решением вопросов участия национальных европейских языков и целесообразности выдвижения идеи европейского lingua franca.

Любое языковое планирование должно принципиально исходить из того, что, говоря словами немецкого германиста Р. Познера, и при «сращении обществ и цивилизаций Европы» должно сохраняться «многообразие менталитетов» европейских народов, а поскольку язык является важнейшей опорой менталитета, то должно сохраняться и многообразие языков в Европе. Присущая современным государствам «языковая монокультура» может быть преодолена, по его мнению, за счет того, чтобы отдельные языки и культуры «по возможности сильно» интегрировали друг с другом, так что в конечном счете возникнет многоязычие, «плотный диалог», что станет обычным правилом общения между европейцами с различными родными языками (Posner, 1992: 4).

Возможно, и эти прогностические предложения Р. Познера будут отвергнуты самой жизнью людей, но и они исходят из того положения, что срастающаяся воедино Европа, говоря словами германиста Й. Борна, «не может позволить себе отказаться от плюрилингвального характера», а весь процесс интеграции «не должен привести к англодоминирующему пла-

«по сю сторону Атлантики» «United States of Europa» (Born, 1990: 2).

Развитие способности к многоязычию, которое всегда реализуется только индивидуально, как это мы наблюдаем в Швейцарии или в Люксембурге, может происходить лишь постепенно, путем взаимного изучения языков своего окружения, своих соседей. В связи с этим Г. Вайнрих писал: «Для дальнейшего развития европейских сообществ, которые хотят стать не только административными и технократическими конструктами, представляется необходимым и в высшем смысле разумным, чтобы европейские нации в своем языковом поведении самым серьезным образом принимали бы участие друг в друге и проявляли бы искреннюю заботу друг о друге» (Weinrich, 1988: 312).

Важнейшим местом, где можно начинать изучать иностранные языки, является, безусловно, школа. В этом смысле часть общеевропейской «трагедии» состоит в том, что именно в последние годы повсюду в Европе происходит сокращение времени на преподавание языков в средней школе, тогда как требование сохранения европейского многоязычия как основы для такого единения становится все более очевидным. Говоря в связи с этим о практике школ в ФРГ, немецкий дидакт и политолог К. Шрёдер обращает внимание на то обстоятельство, что здесь, «за пределами гимназии», практически можно изучать только один английский язык и все попытки расширить «территорию» для изучения других иностранных языков (в системе различных курсов и т. д.) оказались безуспешными (Schroder, 1981: 67). В этих условиях любая смена стратегии в преподавании иностранных языков в школе в направлении на один-единственный язык как будущий язык общения Европы обречена на провал, поскольку создаваемый этим хаос на территории европейских государств потребует целых десятилетий, прежде чем повсюду утвердится новое языковое урегулирование. Даже одно лишь простое перераспределение приоритетов в выборе преподаваемых языков вызывает необходимость подготовки новых кадров специалистов языка, переквалификации преподавателей других языков и т. д.

Идея введения в Европе единственного языка общения, при всей привлекательности английского как действительно мирового языка, представляет собой новую лингвистическую утопию, иллюзию, которой не суждено сбыться. Говоря об этом, К. Шрёдер твердо заключал: «Более чем 400 лет в Европе осуществляется языковая политика и делятся языковые споры: целые регионы подвергались испанизации, романизации, германизации, англизации или русификации. Поздние последствия такой политики проявляются в многочисленных региональных конфликтах, нарушающих западно- (и восточно-) европейскую стабильность. Во всех этих конфликтах присутствует лингвополитический компонент». Вывод о том, что последовательная регионализация по этническому признаку является единственной серьезной предпосылкой к длительному европейскому единению, лежит на поверхности. Центральное управляемое в языковом и

ся; если бы это произошло, то это стало бы образованием, постоянно подверженным «опасности гражданской войны» (Schroder, 1981: 64).

В заключение можно сказать, что пусть послужит создаваемой новой единой Европе пример небольшого европейского многонационального государства — Швейцарии, в которой в условиях многовекового мирного совместного существования четырех различных этнических групп выросло федеративное государственное сообщество, в котором ни одному из языков, независимо от количества его носителей, а также от того факта, что федеральная столица страны — Берн — находится на территории немецкоязычного кантона, не были предоставлены особые права и полномочия и в котором, в условиях естественной близости друг к другу, многие швейцарцы легко пользуются различными языками страны таким образом, что вопрос о единственном языке общения даже не возникает как тема для разговора. Многоязычие в будущих Соединенных Штатах Европы, если дело дойдет до образования такого супергосударства, будет развиваться в тех формах и направлениях, которые будут соответствовать необходимым потребностям общения самих европейцев. Если бы в нынешних странах ЕС проводился опрос относительно языкового объединения Европы, то языковой Маастрихт на референдуме был бы отклонен.

Введение единой евровалюты («евро») — это сильный шаг на пути к подлинной и глубинной интеграции стран ЕС, но это вовсе не означает, судя по признаниям самих западноевропейцев, утраты чувства своего отечества, своей родины, и своего родного языка (Chargaff, 1994: 37). При всей глобализации процессов в современном мире разрушение категориальных статусов исторически сложившихся национальных государств делает невозможным самое существование создаваемого сообщества.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Вахтин Н. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб, 1993.
- Губогло М.Н. Современные языковые процессы в СССР по данным Всесоюзной переписи населения в 1989 г. // Русский язык и языки народов Крайнего Севера. Проблемы описания контактных явлений. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции (Ленинград, 12–14 марта 1991 г.). Л., 1991.
- Демографический энциклопедический словарь. М. 1985.
- Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983.
- Ситрин Д. Язык, политика и американская национальная общность // Диалог — США. 1991. № 47.
- Солнцев В.М., Михальченко В.Ю. Национально-языковые отношения в России на современном этапе // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Антон У. Die internationale Stellung der deutschen Sprache. Berlin; New-York, 1991.

Annon U. Die Stellung der deutschen Sprache in Europa und in der Welt im Verhältnis zu ihrer Stellung in den EG-Gremien // Sociolinguistica. Internationales Jahrbuch für Soziolinguistik. Bd 5. Tübingen. 1991.

Annon U. Schwierigkeiten der deutschen Sprachgemeinschaft aufgrund der Dominanz der englischen Sprache // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1989, 8. 2.

Born J. Deutsch in der Europäischen Gemeinschaft — zweiträngig? // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. 1990. № 3.

Born J. Podiumsdiskussion. Moderation und Einleitung // Deutsch als Verkehrssprache in Europa. Hrsg. von Born J. und Stickel G. Berlin; New-York. 1993.

Bruch R. Grundlegung einer Geschichte des Luxemburgischen. Luxemburg, 1953.

Chargaff E. Vaterländer, Muttersprachen: über den Begriff des Europäers // Deutschland. Zeitschrift für Politik, Kultur, Wirtschaft und Wissenschaft. 1994, № 4.

Der Fischer Weltalmanach 1985: Zahlen, Fakten, Hintergründe. Frankfurt-am-Main, 1984.

Europa. Der letzte Europäer // Der Spiegel. 1993. № 45.

Földes Cs. Deutsch als Verkehrssprache in Ostmitteleuropa — am Beispiel Ungarns // Deutsch als Verkehrssprache in Europa / Hrsg. von Born J. und Stickel G. Berlin; New-York. 1993.

Grégoire P. Zur Literaturgeschichte Luxemburgs // Das Wartjahrbuch. Luxemburg, 1959.

Hartweg F.G. Sprachkontakt und Sprachkonflikt im Elsaß // Sprachkontakt als Ursache von Veränderungen der Sprach — und Bewußtseinsstruktur. Eine Sammlung von Studien zur sprachlichen Interferenz. Innsbruck, 1981.

Hauck W. Die Amtssprachen der Schweiz. Anspruch und Wirklichkeit // Deutsch als Verkehrssprache in Europa / Hrsg. von Born J. und Stickel G. Berlin; New-York, 1993.

Ickler Th. Zur Sprachpolitik der EG // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. 1991. № 1.

Kern K. Interferenzprobleme bei deutschsprachigen Belgiern // Sprachkontakt und Sprachkonflikt. Wiesbaden. 1980.

Moser H. Geleitwort des Herausgebers // Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache im Elsaß und in Lothringen. (Duden-Beiträge, Hf. 7). Mannheim. 1962.

Paque R. Sprachpolitik ist nicht nur Sache des Sprachunterrichts // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1987. № 201. 1.09.

Pfromm R. Einleitung // Nationalsprachen und die Europäische Gemeinschaft. Probleme am Beispiel der deutschen, französischen und englischen Sprache. München, 1989.

Posner R. Maximen der Sprachverwendung im europäischen Kulturleben // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. 1992. № 2-3.

Schmidt H. Vorwort // Monnet J. Erinnerungen eines Europäers. München; Wien, 1978.

Schröder K. Eine Sprache für Europa // Wort und Sprache. Beiträge zu Problemen der Lexikologie und Sprachpraxis veröffentlicht zum 125-jährigen Bestehen des Langenscheidt-Verlags. Berlin; München; Wien; Zurich. 1981.

Spiegel-Gespräch «Ihr wollt den Rest Europas». Margaret Thatcher über Engländer, Deutsche, Franzosen und die Zukunft des Nationalstaats // Der Spiegel, 1993. № 43.

Stark F. Faszination Deutsch. Die Wiederentdeckung einer Sprache für Europa. München, 1993.

Weinrich H. Deutsch für Köpfe // Kultur-Chronik. Nachrichten und Berichte aus der Bundesrepublik Deutschland. 1986. № 5.

Weinrich H. Wege der Sprachkultur. Stuttgart. 1988.

Wild D. Europa Patria // Der Spiegel. 1992. № 44.

Witte B.S. Dialog über Grenzen. Beiträge zur auswärtigen Kulturpolitik. Tübingen. 1988.

В. Э. Шагаль

## ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

**Географическое положение.** Израиль расположен в Юго-Западной Азии на восточном побережье Средиземного моря и со всех сторон граничит с арабскими странами: на юго-западе с Египтом, на востоке с Иорданией, на северо-востоке с Сирией и на севере с Ливаном. Площадь современного Израиля внутри границ и линий прекращения огня — 27 800 кв. км. Это узкая полоска суши: около 470 км в длину и 135 км в самом широком месте. Поперек всю страну можно пересечь на автомобиле за 90 минут.

**История.** Государство Израиль было создано 14 мая 1948 года на основе решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины, находившейся под мандатом Великобритании, на два самостоятельных государства — арабское и еврейское. В ходе арабо-израильской войны 1948–1949 годов, начавшейся сразу после провозглашения государства Израиль, когда армии Египта, Иордании, Сирии, Ливана и Ирака вторглись в страну, большая часть территории, которая по решению ООН была отведена для Палестинского арабского государства (прибрежная равнина, Галилея и весь Негев), и западный сектор Иерусалима, который был выделен также по решению ООН в самостоятельную административную единицу под управлением ООН со специальным международным статусом в результате прямых переговоров, которые состоялись под эгидой ООН между Израилем и воюющими странами, отошли Израилю. В 1967 году в ходе шестидневной войны под израильский контроль перешла еще часть территории соседних арабских стран (Египта, Иордании, Ливана), в том числе и восточная часть Иерусалима. Часть захваченной территории — Синайский полуостров — была возвращена Египту в 1982 году по Кемп-Дэвидскому соглашению.

**Население.** На начало 2000 года численность населения страны составила 6,26 млн. человек (4,92 млн. евреев, 1,15 млн. арабов и 160 тыс. граждан неустановленного происхождения). В районах, оккупированных в результате войны 1967 года, проживает около 1,5 млн. человек, главным образом арабы-мусульмане (это число не включается в число жителей Израиля).

После арабо-израильской войны 1948 года население Израиля достигало по своей численности всего 806 тыс. человек (650 тыс. евреев и 156 тыс. арабов). К концу 1951 г. Израиль принял 687 тыс. репатриантов, более

ре года существования государства Израиль его население почти удвоилось, в 1952 году в Израиле насчитывалось 1,3 млн. человек.

В Израиле сложилась сложная этнолингвистическая ситуация, поскольку рост населения происходил не только за счет естественной рождаемости, но, главным образом, за счет иммиграции. За время существования государства в Израиль прибыло около 3 млн. репатриантов из ста с лишним стран и, соответственно, принадлежащих к разным культурам и языковым группам.

Еврейское население Израиля не представляет собой однородного целого. Это иммигранты из многих стран мира, владеющие различными языками. Основными группами еврейского населения Израиля являются: *евреи израильского происхождения* (общепринятое наименование — *бабры*); *ашкеназские евреи* — эмигранты из стран Центральной и Восточной Европы, включая переселившихся оттуда в Северную и Южную Америку, Южную Африку и Австралию; *сефардские евреи* — потомки тех евреев, которые после изгнания из Испании и Португалии в XV веке осели главным образом в странах Южной Европы: Италии, Болгарии, Греции, Турции; *восточные евреи* (не смешивать с сефардскими евреями) — выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Последствия многовекового проживания в иной этнокультурной среде давали и дают о себе знать во всех аспектах жизни израильского общества: культуре, политике, религии, языковой ситуации.

Если в конце 1950-х годов поселенцы-старожилы и эмигранты из стран Центральной и Восточной Европы, пережившие Холокост, сосуществовали, не поддерживая между собой социальных и культурных связей, то постепенно к 1980-м годам эти группы населения стали ближе друг к другу под влиянием религиозной общности, роста стабильности общества, постепенному осознанию самой идеи пребывания на исторической родине.

Более 80% всего населения составляют евреи (рожденных в Европе — Америке 32,1%, в Израиле — 20,8%, в Африке — 14,6%, в Азии — 12,6%). Израиль ежегодно принимает репатриантов из разных стран мира. Если в 1970-е годы из Советского Союза туда смогли приехать около 100 тыс. человек, то с 1989 по 1998 год — более 800 тыс. В 1980–1990-е годы были проведены операции по репатриации древней еврейской общины из Эфиопии (30 тыс. человек).

Миграционный баланс еврейского населения в 1985–1988 годах был отрицательным, однако с конца 1989 года (вследствие новой огромной волны эмигрантов из СССР/СНГ) миграционный баланс еврейского и христианского населения стал положительным, что объясняется прибытием в страну неевреев — членов семей новых репатриантов.

Население Израиля с 1990 по 1998 год возросло на 1477 тыс. человек, в том числе еврейское — на 1066 тыс., мусульманское — на 246 тыс. По данным израильских демографов («Вести», 18.01.99), на 31 декабря 1998 года в стране проживало 6,037 млн. человек, в том числе 4783 тыс. евреев (79,2%), 901 тыс. мусульман (14,9%), 129 тыс. христиан (2,1%), 99 тыс. друзов (1,7%), 125 тыс. арабов-христиан (2,1%).

ния (2,1%) (в подавляющем большинстве неевреи, приехавшие в страну в 90-е годы в рамках закона о возвращении). Среднегодовой прирост населения по стране за 9 лет (1990–1998) составил 3,2%. В том числе: евреи — 2,86%, мусульмане — 3,55%, христиане — 2,4%.

В 2000 году прирост населения составил 1,67% при рождаемости 19,32‰ и смертности 6,22‰. 7 мая 2000 года в аэропорту Бен-Гуриона торжественно был встречен миллионный репатриант из России. Современное еврейское общество Израиля весьма разнородно: большинство израильтян нерелигиозны и лишь частично соблюдают религиозные предписания, придерживаясь традиций в модернизированной форме.

Более одного миллиона граждан Израиля — не евреи. Их принято называть арабским населением Израиля (израильские арабы), но на самом деле это различные (этнические и конфессиональные) группы, хотя и говорящие главным образом на арабском языке, но имеющие свой образ жизни, традиции и историю. Что касается религиозной принадлежности израильских арабов, то большая их часть исповедует ислам.

**Арабы-мусульмане**, большинство которых сунниты, живут главным образом в маленьких городах и деревнях, больше половины из них — на севере страны. **Бедуины**, которые до недавнего времени вели кочевой образ жизни в пустыне Негев, составляют около 10% мусульманского населения Израиля. Существует около 30 бедуинских племен, проживающих преимущественно в южной части страны.

**Арабы-христиане** являются вторым по численности меньшинством Израиля. Они живут главным образом в городах, в том числе в Назарете, Шфараме и Хайфе. Арабы-христиане принадлежат к различным конфессиям, наиболее крупными из которых являются греко-католическая, греко-православная и римско-католическая общины.

**Друзы** (около 100 тыс. человек) являются арабоязычным меньшинством, проживающим в 22 деревнях на севере Израиля, в Галилее, в условиях культурной, социальной и религиозной автономии.

**Черкесы** (около 3 тыс. человек) проживают в двух деревнях на севере страны и являются мусульманами-суннитами, хотя ни этнически, ни культурно не связаны со своими единоверцами арабами. Сохранив свою яркую этническую самобытность, черкесы проявляют, подобно друзам, лояльность по отношению к существующему в стране режиму и принимают участие в различных сферах экономической и общественной жизни Израиля, не смешиваясь ни с еврейским, ни с арабским обществом.

Большая часть арабского населения Израиля проживает в небольших городах и деревнях Галилеи (включая Назарет), центрального района (от Хадеры до Петах-Тиквы) и Негева, а также в городах со смешанным населением, таких как Иерусалим, Хайфа, Акко, Лод, Рамле и Яффа. Арабские районы достаточно специфичны. Все улочки имеют арабский облик, все лозунги, объявления — почти исключительно на арабском языке.

Арабоязычное меньшинство не смешивается с ивритоязычным боль-

арабского в качестве второго государственного языка Израиля, существование у арабов и друзов отдельных систем школьного образования, наличие арабоязычных средств массовой информации, литературы и театра, а также сохранение исламского, христианского и друзского религиозных советов и судов, ведающих вопросами личного статуса граждан этих вероисповеданий (например, о браке и разводе). Обычаи прошлого все еще составляют неотъемлемую часть их повседневного существования, но обязательное образование и растущая вовлеченность в общегосударственный демократический процесс интенсивно влияют на традиционное мировоззрение и образ жизни, постепенно ослабляя патриархальный уклад. Арабы, проживающие на территории Израиля, обладают статусом граждан этого государства со всеми правами, — они принимают политические и административные решения в своих муниципалитетах; их представители в кнессете выражают интересы арабского населения на парламентском уровне, ставя во главу угла укрепление статуса и социального обеспечения национальных меньшинств. После создания государства Израиль в 1948 году арабская часть населения была освобождена от обязательной службы в израильской армии. В то же время добровольная служба в армии поощряется, и армия ежегодно пополняется добровольцами-арабами. Начиная с 1957 года, по просьбе друзских и черкесских лидеров, служба в вооруженных силах Израиля стала обязательной для мужской части этих общин; растет также число бедуинов, служащих в армии на контрактной основе. Арабы — граждане Израиля, оставаясь по своей культуре и самосознанию частью палестинского народа и даже порой оспаривая существование Израиля как еврейского государства, в то же время понимают, что их будущее связано с Израилем. Они приняли иврит как свой второй язык, израильская культура входит в их жизнь. Они стремятся к более активному участию в жизни государства, в частности в парламентских выборах, к более полной интеграции в экономику, добиваются выделения больших средств на благоустройство своих городов и деревень. Развитие межобщинных отношений между израильскими арабами и евреями в известной степени затруднено не только в силу глубоких различий в религии, в представлениях об основных ценностях и политических убеждениях каждой из сторон, но и вследствие обострения арабо-израильских межгосударственных отношений. Вынужденные сосуществовать друг с другом, эти две общины в известной степени стремятся к самоизоляции, однако постепенно начинают признавать права и уникальность устремлений противоположной стороны и расширяют сферу совместной деятельности.

В израильском обществе добрососедствуют различные религии, языки и культуры, но при этом в нем существует также ряд форм сегрегации. Не будучи разделены официально, многие группы сами изолируются внутри общества, оберегая свою культурную, религиозную или этническую самобытность.

**Язык.** В Израиле два официальных языка: иврит и арабский. Об этом было заявлено в Декларации независимости.

ликованной 14 мая 1948 года, где, в частности, говорится: «...Государство Израиль... осуществит полное общественное и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола; оно обеспечит свободу вероисповедания и совести, право пользования родным языком, право на образование и культурное развитие» («Израиль-50», с. 7, Иерусалим, 1998).

Особенности языковой ситуации в стране определяются не только использованием в качестве официальных двух семитских языков — иврита и арабского, но и многоязычием, что в значительной степени объясняется тем, что евреи-эмигранты из разных стран мира продолжают пользоваться в быту языком страны прежнего проживания (болгарским, немецким, грузинским, русским и др.) и языковыми образованиями, обслуживающими еврейские общины разных стран. К числу таких языковых образований (всего их — 29) относятся: идиш, ладино (спаньоль, испанский еврейский, таджикско-(персидско)-еврейский, мограби (язык евреев — выходцев из стран Магриба), язык бухарских евреев и т. п.), причем некоторые из них, например идиш, получили статус литературных языков.

В Израиле живут сотни тысяч человек, думающих и говорящих по-русски. Они принадлежат и еще долго будут принадлежать русской культуре и русской истории. Нынешнее состояние языковой и культурной ситуации можно охарактеризовать как своего рода процесс «русификации» Израиля, что нашло свое выражение хотя бы в том, что Израиль превратился в крупнейший, после самой России, центр литературного творчества на русском языке. Естественно, что в будущем удельный вес и значение русского языка и культуры в стране будут снижаться. На распространение и статус русского и других иностранных языков серьезное воздействие оказывает интеллектуальный потенциал Израиля, его связи с многонациональной еврейской диаспорой во всем мире, возможности его экономики, науки и культуры.

Современный иврит начал формироваться в XIX веке, когда была предпринята попытка возродить древнееврейский язык (который в течение многих веков функционировал как язык литургии и литературы и имел к тому времени только книжно-письменную форму) и сделать его языком повседневного общения еврейских колонистов Палестины и языком преподавания. В результате большой целенаправленной работы сложился современный язык, в котором в разных пропорциях представлен языковой материал еврейского языка различных эпох: древнееврейского, мишнантского, средневекового еврейского. Из языка, который перестал быть средством повседневного общения еще в III в., он превратился в современный, отвечающий потребностям повседневной жизни нового тысячелетия<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Иврит, наряду с арабским и английским, был признан официальным языком еще британскими мандатными властями. На иврите выходили газеты и книги, на нем преподавали в школах, говорили в еврейских учреждениях. По подсчетам некоторых исследователей, словарный запас современного иврита достигает 120 тысяч слов, что в 15 раз больше,

Второй официальный язык — арабский. Он употребляется в письменной (литературный язык) и устно-разговорной формах. Устно-разговорная форма представлена народно-разговорным языком, который является средством повседневного общения арабского населения на территории не только Израиля, но и соседних арабских стран. Его называют сиропалестинским диалектом арабского языка. Издательская деятельность, преподавание и радиовещание ведутся на арабском литературном языке.

В последние десятилетия в Израиле широкое распространение получил английский язык (особенно среди населения, не владеющего ивритом), который во многих случаях используется как *lingua franca* (в качестве языка общения между людьми, для которых этот язык не является родным). Английский язык имеет также полуофициальный статус: на нем издаются государственные акты и ведутся переписи. Преподавание этого языка поощряется государством. Вторым по степени распространенности европейским языком является французский. Широкое проникновение англоязычной культуры и английского языка в жизнь израильского общества привело к появлению и широкому употреблению англицизмов. Причем английские слова широко употребляются и в устной речи, и в письменной, начиная с научной терминологии и политической лексики и кончая сленгом.

Языками межэтнического общения (т. е. общения между представителями различных групп эмигрантов) являются иврит, арабский, идиш, русский и французский языки. Роль языков, функционирующих на территории Израиля, в средствах массовой информации, народном образовании, культуре и общественной жизни различна.

Языки национальных меньшинств используются преимущественно в семейно-бытовом общении, но на некоторых из них издается периодическая печать, художественная литература, ведется радиовещание.

**Функционирование языков в системе образования, СМИ и судебных органах, органах законодательной и исполнительной власти.** Административное управление, судопроизводство, государственные акты, переписи ведутся на иврите и арабском. Судопроизводство в шариатских судах ведется на арабском языке.

Образование в стране распространяется на всех детей с раннего возраста. Трех- и четырехлетние дети посещают дошкольные учреждения, где, в частности, обучаются основам чтения и навыкам общения на родном языке.

В системе государственного образования в ряде учебных заведений преподавание ведется на иврите, в некоторых учебных заведениях — на арабском. Существуют школы трех ступеней: начальная (1–6 классы), средняя (7–9 классы) и гимназия (10–12 классы).

Школьное образование до 18-летнего возраста (12 классов) бесплатное и обязательное, финансируется государством. Программы в арабских и еврейских школах в основном совпадают. В еврейских школах арабский язык изучают как факультативный предмет; в арабских школах иврит —

В системе образования существует четыре типа школ: государственные, в которых учится большинство детей, государственные религиозные, где проводится углубленное изучение иудаизма, арабские и друзские, в которых обучение ведется на арабском языке и большое внимание уделяется истории арабов и друзов, их религии и культуре, и, наконец, частные.

В качестве иностранного языка в большинстве школ преподают английский язык; в некоторых школах — французский или немецкий. Есть школы, в которых факультативно преподается русский.

Задолго до создания государства Израиль в Иерусалиме был открыт Еврейский университет, а в Хайфе — Технион (политехнический институт). В 1948 году в этих двух высших учебных заведениях училось около 1600 студентов.

В 1999 году в стране было почти 180 тысяч студентов, 109 тысяч из которых проходили обучение в университетах, 41 тысяча — в колледжах и около 30 тысяч обучались заочно по программе Открытого университета, метод обучения в котором основан на самостоятельной работе над учебниками и на консультативных занятиях.

В настоящее время Совет по делам высшего образования, который возглавляется министром просвещения, культуры и спорта, насчитывает в своем ведении 8 высших учебных заведений. К ним относятся Еврейский университет в Иерусалиме, Технион в Хайфе (открыт в 1924 году), Тель-Авивский университет (самый большой университет в стране), Университет им. Бар-Илан в Рамат-Гане (основан в 1955 году), университет в Хайфе (центр высшего образования в северной части страны, в нем есть еврейско-арабский центр), Университет им. Бен-Гуриона в Беер-Шеве, Научно-исследовательский институт им. Вейцмана (основан в 1934 году, центр исследований в области физики, химии, естественных наук), Академия изящных и прикладных искусств «Бецалель». На естественно-научных факультетах университетов и в Технионе преподавание большинства предметов ведется на английском языке. Вместе с тем студенты имеют право выбирать язык, поэтому отдельные курсы читаются на иврите.

В Израиле особое внимание уделяется проблеме ликвидации неграмотности, в частности среди иммигрантов первого поколения. По данным на середину 1970-х годов, неграмотные среди арабского населения составляли 30%, среди еврейского — 10%. Для ликвидации неграмотности организуются специальные вечерние курсы, финансируемые Министерством просвещения, культуры и спорта. Помимо этого существуют курсы профессионального обучения, где также преподается язык.

Широкое развитие получила система обучения ивриту новых иммигрантов, финансируемая правительством. Основная форма преподавания иврита — различного рода курсы (ульпаны). Ульпаны — совместное предприятие Еврейского агентства и Отдела преподавания языка при Министерстве просвещения, культуры и спорта. Министерство отвечает за пре-

финансирование. Существует 4 вида ульпанов, где обучаются иммигранты в соответствии с их образованием, экономическим положением и т. д.:

1. Курсы с общежитием: иммигранты проживают в ульпане и проходят интенсивный курс обучения в течение 6 месяцев. За время обучения они знакомятся со страной, совершая поездки и экскурсии.

2. Курсы в кибуцах (сельскохозяйственных поселениях особого рода): ежедневные занятия в течение примерно 4 часов, в остальное время — работа. Обучение продолжается 6 месяцев.

3. Вечерние курсы без общежития. Предназначены для иммигрантов — городских жителей. Обучение ведется в послеобеденное и вечернее время, без отрыва слушателей курсов от работы, в течение 10 месяцев, по 16 часов в неделю.

4. Общие вечерние курсы. Предназначены для тех, кто уже длительное время находится в стране, но нуждается в совершенствовании знания языка; обучение ведется в течение 6 месяцев, по 4–5 занятий в неделю.

Интенсивное изучение языка на разных уровнях в ульпанах с использованием специально разработанной методики позволяет новым репатриантам быстрее преодолеть барьер, мешающий их интеграции в израильское общество.

Что касается программы обучения ивриту в армии, то она рассчитана на 180 часов в год.

Иммигранты из стран Азии и Восточной Европы, которые по каким-либо причинам не смогли посещать курсы обучения ивриту, в дополнение к основному языку их общения — языку страны прежнего проживания — употребляют пиджинизированный иврит.

Языковой и культурной интеграции новых репатриантов способствуют также лекции на самые разные темы, которые транслируются по радио и телевидению. Учебные и познавательные телевизионные программы для самых широких слоев населения идут по двум телевизионным каналам 6 дней в неделю (около 10 часов в день).

В Израиле издается 27 ежедневных газет, около половины из них — на иврите. Старейшие газеты на этом языке — «Галеванон» («Ливан») и «Гахавацелет» («Лилия») — основаны в Иерусалиме в 1863 году. Затем были основаны газеты «Хадашот гаарец» («Новости страны»), позже — «Гаарец» («Страна») и «Доар гайом» («Дневная почта», 1919). С 1965 года издается газета «Зо Гадерех» («Это есть путь») — орган Компартии Израиля. Газета выходит раз в неделю. С 1959 года на иврите издается ежемесячный теоретический журнал Компартии Израиля «Арахим» («Ценности»). Общий тираж периодических изданий в будний день — около 800 тысяч экземпляров, по пятницам и накануне праздников — более миллиона. Крупнейшие газеты: вечерние — «Маарив» («Вечерняя молитва») и «Едиот ахронот» («Последние новости») (тираж каждой более 350 тыс. экз.); среди утренних — «Гаарец» (тираж около 80 тыс. экз.). Для иммигрантов, недостаточно хорошо владеющих ивритом, выпускаются газеты

«Омер» («Слово»). На иврите издаются также ежедневная спортивная газета и три ежедневные газеты по вопросам экономики.

На арабском языке издаются четыре газеты, две из них — ежедневные. Старейшей газетой на арабском языке является орган Компартии Израиля газета «Аль-Иттихад» («Союз»), основанная в 1944 году. Газета выходит два раза в неделю. С 1969 года издается ежемесячный теоретический журнал «Ад-Дарб».

Ежедневные газеты издаются также на наиболее распространенных среди новых иммигрантов языках: идише, румынском, немецком, венгерском, польском, русском, английском, французском. Многоязычие газет, выходящих в Израиле, наглядно демонстрирует многоликость израильского общества. Рост русскоязычной общины привел к тому, что на русском языке ныне выходит более 30 газет.

Радиостанция «Коль Исраэль» («Голос Израиля») вещает по 8 программам на 17-ти языках с 6 часов утра до 1 часа ночи. Радиостанция Армии обороны Израиля «Галей цагал» («Волны армии») работает круглосуточно. Передачи ведутся 643 часа в неделю, из них 377 часов — на иврите. Кроме того, радиовещание ведется на арабском, английском, идише, могоби, ладино, румынском, русском, венгерском, грузинском и персидском (в основном для новых иммигрантов).

С 1962 года телевизионные передачи ведутся ежедневно. На телепрограммы отводится 6,5 часа, из них 1,5 часа — на арабском языке. По национальному телевидению транслируются информационные, образовательные и развлекательные программы на иврите, арабском и английском<sup>2</sup>.

В области культуры используется преимущественно иврит. Так, все иностранные фильмы снабжаются титрами на иврите.

В театральной жизни страны принимают участие шесть профессиональных драматических театров и десятки любительских трупп и других театральных коллективов. В четырех театрах ставятся пьесы на иврите: это — израильский национальный театр «Габима» («Сцена»), Камерный театр тель-авивского муниципалитета и городской театр в Хайфе, театр «Хан» в Иерусалиме. Театр «Габима» был основан в 1917 году в Москве, его труппа в 1931 году переехала в Тель-Авив, где работает по сей день.

В 1991 году выходцами из бывшего Советского Союза был создан театр «Гешер» («Мост»). Высокопрофессиональная труппа театра ставит спектакли на русском языке. Театр довольно быстро заслужил признание публики и высокую оценку критики и стал одним из ведущих театров страны. Наряду с классикой в театре ставятся пьесы современных зарубежных и израильских драматургов.

В стране есть театральные труппы, которые ставят спектакли на идише, арабском, английском и румынском языках. Кинофильмы, как пра-

<sup>2</sup> Зарубежные программы дублируются на иврите и арабском. В последние годы орга-

вило, выпускаются на экраны с текстом на иврите, реже — на арабском языке; в кинотеатрах можно также увидеть немногочисленные фильмы с текстом на русском, английском и немецком языках (преимущественно пропагандистского характера).

Художественная литература издается в основном на иврите и арабском. Так, например, в 1979–1980 годах в Израиле были изданы книги 4900 наименований, 13% из них составила еврейская религиозная литература. Основоположниками современной ивритской прозы считаются Иосеф Хаим Бреннер (1881–1921) и Шмуэль Йосеф Агнон (1888–1970), первый нобелевский лауреат, писавший на иврите. В отличие от прозы, поэзия на иврите создавалась непрерывно на протяжении столетий, с библейских времен до наших дней. Поэты вводили в ивритскую поэзию ритмы разговорной речи, создавали новые, обогащая древний язык.

80-е и 90-е годы XX века богаты литературными событиями. В этот период вышло огромное количество книг, многие из которых были переведены на другие языки, и ряд израильских авторов удостоился международного признания. Расширяется круг проблем, поднимаемых израильской литературой. Все больше появляется произведений о жизни израильских и палестинских арабов.

В последнее время наблюдается рост числа писателей, пишущих не на иврите, а на арабском, английском и французском языках.

Что касается культурной жизни арабов, то она складывается из двух составляющих: собственной традиционной культурной жизни и участия в процессе формирования современной израильской культуры.

Если в первые годы существования Израиля для арабских авторов была характерна чисто арабская национальная специфика, то сегодня новое поколение арабских писателей, живущих в Израиле, сочетает традиционные национальные сюжеты с элементами современной западной культуры. Арабская литература переводится на иврит, а произведения еврейских писателей — на арабский. Арабы принимают активное участие в работе электронных средств массовой информации.

В стране действует 7 университетских и большое количество специализированных научных библиотек (более 200 тыс. томов). Иерусалимский институт слепых имеет около 6 тысяч книг на иврите, отпечатанных по системе Брайля. В 1962 году в Иерусалиме была основана библиотека для слепых, обслуживающая читателей на арабском языке. Издаются шеститомная краткая еврейская энциклопедия на русском языке, библиографические выпуски на иврите, разговорники для новых иммигрантов, как общего, так и специализированного характера, например шестязычный разговорник «Практические термины банковского дела». Издается переводная литература с иврита (на румынский, болгарский, польский, русский, английский, немецкий, французский и грузинский языки).

В 1962 году для того, чтобы познакомить иностранных читателей с

тут перевода еврейской литературы. Благодаря деятельности Института сотни книг прозы, поэзии, драматургии, детской литературы были переведены на 40 языков мира.

В ритуально-религиозной сфере используются иврит и древнееврейский для иудеев. Арабы, как и друзы, пользуются арабским языком. Представители христианских общин пользуются языками стран прежнего проживания.

**Языковая политика** в государстве Израиль направлена на внедрение иврита во все сферы научной, производственной и общественной жизни для подавляющего большинства населения.

Политические партии в своих программах не оговаривают отношения к языковой политике.

Высшим органом по вопросам языкового планирования и управления процессами, происходящими в языке, является научное учреждение Израиля — Академия языка иврит (переименована в 1953 году; ранее — Комитет языка иврит, основанный Элиэзером Бен-Иегудой<sup>3</sup> в 1890 году). Академия занимается такими проблемами, как нормирование литературного языка (грамматические правила), создание и кодификация профессиональной терминологии, орфографии и транскрипции иностранных имен. Ее решения обязательны для всех государственных учреждений. Академия выпускает специальные терминологические словари и журналы «Лешонену» и «Лешонену ла-ам». Одно из важнейших мероприятий Академии — составление исторического словаря еврейского языка, подготовительная работа над которым продолжается уже много лет.

Академия проводит большую работу в области языкового планирования. Создаются специальные комитеты по терминологии, в которые входят сотрудники Академии. Эти комитеты разрабатывают терминологию в определенной области и рассылаются после доклада на пленарном заседании Академии. Постоянно действуют состоящие только из академиков комитеты по вопросам грамматики, транскрипции и стилистики современного иврита. Решения публикуются в «Записках Академии».

Целенаправленная работа по регламентации лексики, грамматики и орфографии проводится также через специальные рубрики в газетах и радиопередачи. Так, с 1955 года издается специальное приложение к газете «Гаарец», выходящее по пятницам и посвященное вопросам орфоэпии, лексики и грамматики современного иврита.

<sup>3</sup> Элиэзер Бен-Иегуда (1858–1922) был одним из первых, кто осознал необходимость возрождения иврита в качестве живого разговорного языка. Основал два периодических издания на иврите, составил несколько томов 17-томного словаря древнего и современного